

Сергей Захаров

Погружение в Театр- музей Дали

Книга-экскурсия, или
Практическое пособие
по выживанию

Сергей Захаров

**Погружение в Театр-
музей Дали. Книга-
экскурсия, или Практическое
пособие по выживанию**

«Издательские решения»

Захаров С.

Погружение в Театр-музей Дали. Книга-экскурсия, или
Практическое пособие по выживанию / С. Захаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986874-9

Эта книга написана профессиональным экскурсоводом, который провел более 500 экскурсий по «самому крупному сюрреалистическому объекту в мире» — Театру-музею Сальвадора Дали в Фигерасе. Прочитав ее, вы воскликнете точно так же, как делают это все без исключения туристы на «живых экскурсиях»: «Теперь я вижу Дали совсем другими глазами!» Как и в жизни, это будет один день, прожитый в режиме полного погружения в Дали, который никогда не изгладится из вашей памяти.

ISBN 978-5-44-986874-9

© Захаров С.
© Издательские решения

Содержание

Введение во введение, или Муки названия	6
Путешествие из Барселоны в Фигерас	13
Сальвадор Дали и Барселона – зачатые друзья	13
Самая дорогая картина Сальвадора Дали	28
Портрет Поля Элюара	34
Дали и Галя – встреча длиною в жизнь	37
Самая популярная работа Дали	44
Самая первая картина Дали	46
Дали и Хачатурян – а был ли танец с саблями?	49
Дочь Галя – Сесиль Элюар	53
Дали – художник трамонтаны	58
Театр-музей – «Ты помнишь, как все начиналось...»	62
Самая большая ложка в мире	68
Окрестности музея	70
Башня Галатеи	70
«Андалузский пес» – первый сюрреалистический фильм в мире	77
Дали, Харпо Маркс и Альфред Хичкок	80
Дали и Дисней: судьба «Destino»	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Погружение в Театр-музей Дали Книга-экскурсия, или Практическое пособие по выживанию

Сергей Захаров

© Сергей Захаров, 2022

ISBN 978-5-4498-6874-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение во введение, или Муки названия

Введение во введение

Сальвадор Дали – выдающийся художник-реалист 20-го столетия, всю жизнь изображавший то, чего нет. (С Захаров)

Предварю основной рассказ словами успокоительными, адресованными, прежде всего, тем, кого само слово «музей» может ввести в ненужное, печальное и, в нашем случае, ничем не оправданное заблуждение. Дело в том, что многие люди боятся музеев! Честно признаться, и сам я, как ни странно, их побаиваюсь – с детства и до сих пор.

Этот страх не беспричинен. Посещать обычные музеи – все одно, что дегустировать сыры. После четвертого образца перестаешь что-либо воспринимать: вкусовые рецепторы попросту не в состоянии вынести столь интенсивной атаки.

Точно так же и с хорошими классическими музеями: одна, две, три шедевральные картины; четвертая, пятая, восьмая – и ты эмоционально выдыхаешься: смятенный, сметённый и буквально обескровленный мощным напором прекрасного.

Ты падаешь духом и напоминаешь себе рыбу на песке, обреченно хватющую белыми губами уже не спасающий воздух. С ужасом и затаенной тоской ты поглядываешь на бесконечные музейные анфилады, набитые под завязку десятками, сотнями, тысячами шедевров... Им несть числа – да еще этот безукоризненный музейный порядок! Порядок – вот что страшно!

Этапы, периоды, жанры и поджанры – все разложено по полочкам и четко выверено по времени. Эта неумолимая, как судьба, музейная хронология сама по себе способна убить всякое живое чувство – а ведь за чувствами и эмоциями и нужно ходить в музеи!

Сальвадор Дали, сам завзятый «музейщик», прекрасно это понимал – и потому свой персональный музей выстроил абсолютно по иным принципам.

Собственно, благодаря его «принципам», и появилась эта книга.

А как она, дай Бог памяти, появилась?

Если долго держать курс на запад – попадешь, в конце концов, на восток.

Так было и со мной: из года в год я все более решительно отказывался от самой мысли о том, чтобы написать книгу о главном и единственном ребенке Сальвадора Дали – его Театре-музее в Фигерасе, пока в одно странное утро не проснулся на своем «востоке» и понял, что книгу эту все-таки придется сочинять.

Утро, помнится, было именно странным: когда я, пребывая еще в полусне, сварил кофе и выбрался на террасу курить, то угодил в настолько плотный туман, что, вытянув руку перед

собой, не мог разглядеть даже кончики собственных пальцев – но почему-то твердо был уверен, что солнце гуляет рядом и вот-вот будет здесь.

Предчувствие было самым нелепым – и самым отчетливым. И что-то еще не давало мне покоя: что-то основное и важное, о чем еще накануне вечером я не имел ни малейшего представления – а сейчас он было здесь, рядом, требовалось лишь домыслить и сообразить.

Я глотнул крепчайшего напитка, закурил – взбудренный мозг заработал, и новая истина, наконец, проявилась, оказавшись, мягко говоря, неожиданной. Уж не знаю, чем занимались той ночью мои нейроны, пока хозяин их спал, но результат этой бурной деятельности был налицо: отныне я знал, что главной моей задачей должно стать составление практического (то есть, основанного на личной обширной экскурсоводческой практике) путеводителя по Театру-музею Сальвадора Дали в Фигерасе.

Озадаченный, ошарашенный, изумленный – я поднял голову к небу: непроглядного тумана как не бывало, и в самый зрачок мне ударило невозможное, невероятное, но напророченное только что мною же солнце. Иначе, как знамением счесть это было нельзя.

Отвертеться, понял я, не удастся. Нужно было приступить.

Театр, как известно, начинается с вешалки, а книга – с названия. Почему я должен писать эту книгу? Зачем? Дать себе вразумительный ответ на эти вопросы я еще не мог, но в голове уже зароились звучные и не очень фразы, одной из которых я мог бы озаглавить свой ещё не написанный труд.

Попыхтев часок-другой, перебрав не менее полусотни вариантов – от безгранично экстравагантных до целомудренно простых – я решил пожертвовать мишурой в угоду истине и назвать книгу просто: «Введение в Театр-музей Сальвадора Дали. Практическое пособие по выживанию».

Пару слов о «введении». Слово это совсем не случайное, и понимать его следует буквально: работая индивидуальным экскурсоводом, я в прямом, в самом физическом смысле слова вводил и продолжаю вводить в Театр-музей людей своих туристов. Если бы собрать воедино всех тех, кому я уже успел «ввести» – получилась бы маленькая армия, отличие которой от настоящей заключается лишь в том, что «бойцы» её – граждане не одного, а разных государств, объединенные, тем не менее, одинаковым интересом к «Божественному Дали», как без ложной скромности именовал себя сам художник.

Добавлю, что еще большее количество людей (уже не маленькую, но вполне себе приличную армию) было «введено» мною в фантастический мир музея Дали помимо моей воли – речь о сторонних посетителях, которые с редким постоянством прибывались, прибываются и будут прибываться к нашей индивидуально-экскурсионной лодке уже внутри музея – и избежать этого полностью никак нельзя.

Почему? Потому что для больших групп, привозимых в Театр-музей автобусами, экскурсии внутри музея не проводятся – или проводятся в самом минимальном объеме. Это обусловлено разными причинами, уважительными и не очень, но обсуждать их здесь вовсе не входит в мою задачу. Если повезет, и автобусной группе попадет толковый и грамотный сопровождающий, он успеет рассказать много интересного по пути в Фигерас. Если очень повезет, групповым туристам сделают маленькую и очень быструю экскурсию по паре-тройке залов Театра-музея – но на этом всё.

Туристам предоставляют пару часов на самостоятельный осмотр музея и разграбление города, объясняют, в какой стороне света находится автобусная стоянка, куда они, кровь из носу, должны успеть к условленному времени – отпускают в свободное плавание. Вот здесь-то для любознательных путешественников и начинается самый настоящий кошмар – та самая необходимость «выживать», о которой тоже упомянуто в названии.

Дело в том, что Театр-музей Сальвадора Дали, на взгляд любого нормального человека, оказавшегося там впервые и пытающегося разобраться в том, что он видит, самостоятельно –

это полнейший хаос, не доступный для постижения никакими силами разума, логики и здравого смысла. Внутреннее пространство музея – эдакая помесь барахолки с художественной галереей – под завязку набито самыми разными предметами, громоздящимися друг на дружке в веселом и совершенно необъяснимом сумбуре. Многие залы до смешного малы, а другие – пугают зловещей темнотой. Планировка являет собою изощренный и коварный лабиринт, в котором можно невзначай заглянуть в случайный коридорчик – и легко потеряться на два часа, а можно, как это в большинстве случаев и бывает, в отчаянии бежать по замкнутому кругу кое-как освоенным маршрутом, опасаясь отступить от него хотя бы на шаг, чтобы, упаси Бог, не заблудиться – и, видя в девятый раз то, что разум категорически не способен понять, чувствовать, что близкое безумие машет дружелюбно рукою и улыбается приветливо из-за угла...

Не спорю: нарисованная мною картина мрачна и даже пугающа – но, повторюсь, на взгляд оказавшегося там впервые и самостоятельно человека Театр-музей выглядит именно так. Причем, что интересно: можно прочесть о Сальвадоре Дали гору книг и посмотреть десяток фильмов, а можно, напротив, не иметь о нем ни малейшего представления – кроме, разве что, имени, антенного контура усов и славы отъявленного сумасшедшего – результат будет почти одинаков: возлюбленное дитя Дали, при попытке понять его самостоятельно, останется все той же пресловутой кантовской «вещью в себе»!

Парадокс? Да ничуть! Не следует забывать – этот музей, единственный в мире, Дали создал в своем родном городе лично, вложившись своей неумной творческой энергией и буйной фантазией буквально в каждый квадратный сантиметр музейного пространства – а мистику и загадку в творчестве каталонский гений, как известно, всегда ставил превыше всего.

В волнениях и муках рождая свое любимое детище, «самый крупный сюрреалистический объект в мире» как называл музей сам создатель – Дали постарался от души и, следуя своим же принципам, напустил в музейные залы и коридоры такого фантазмагорического тумана, что сам черт там сломит не то что ногу – а все две!

Не обладая узкоспециальными знаниями касательно того, что означает тот или иной объект в пространстве музея, в какой логической связи пребывает с остальными, и почему, в соответствии с волей Дали, он был размещен именно в этом месте, а не каком-то ещё – иными словами, не владея тайным музейным кодом, разобраться в этом пышном торжестве энтропии решительно невозможно.

Собственно, именно такой цели Дали и добивался, и об этом же пишет в своей замечательной книге «Театр-музей Сальвадора Дали в Фигерасе» Антони Пичот, близкий друг Дали и директор этого удивительного музея на протяжении сорока лет: «Каждый зал и каждый экспонат Театра-Музея обладают силой притяжения и, что самое главное, создают ощущение особой тайны. Поэтому посетители выстраиваются и будут выстраиваться в очередь, плененные той несказанной тайной, какой является притяжение гения».

Да, возможно, именно загадочность музея является одной из причин его успеха, и всё же, всё же – всякая тайна особенно хороша, когда раскрыта. Так устроен наш любознательный мозг: тайны нуждаются в разьяснении, в особенности, если они окружают тебя со всех сторон, рискуя затянуть с головой в черную дыру сплошной неизвестности.

В Театре-музее Дали, по моему твердому убеждению, совершенно необходим «эксперт по выживанию», способный провести вас через полное загадок, розыгрышей и сюрпризов пространство. Стоит ли удивляться что групповые туристы, брошенные на произвол судьбы в самую гущу гениального хаоса, именно к таким «поводырям» разного уровня, то бишь, к частным экскурсоводам, и прибываются?

Обычно это видишь боковым зрением и чувствуешь самой кожей: вокруг и сзади твоей персональной группки вскоре образуется некое людское уплотнение, которое начинает, дер-

жась чуть поодаль, неуклонно перемещаться за тобою следом, попутно обрастая все новыми и новыми любопытными.

Это случалось и случается со мной с привычной неизбежностью и всегда в известном смысле напоминает мне историю о мальчишке из города Гамельн с его волшебной дудочкой – правда, с менее трагическим исходом. К такой ситуации можно и нужно относиться с пониманием – особенно, если любопытствующие стараются не мешать, строго соблюдают определенную дистанцию, смотрят, неопределенно улыбаясь, куда-то в сторону и вообще имеют вид, будто оказались неподалеку совершенно случайно и совсем по другой причине: потому что ждут, например, трамвая – а он почему-то задерживается.

Мне это, по большому счету, не мешает, и моим туристам, как правило, тоже. Всегда, в конце концов, приятно, что люди интересуются искусством и, тем более, творчеством удивительного Дали – таким образом, у вас с ними уже есть кое-что общее. Да и кто знает: может быть, они не заказали в нашем бюро частную экскурсию лишь по одной причине – потому что не встретили предложение наших услуг в безбрежном море интернета!

Иное дело, если эти сторонние слушатели начинают воспринимать проводимую, в общем-то, совсем не для них экскурсию как должное, и, более того, одержимые жаждой новых знаний, этим «лучом света в темном царстве», пытаются даже оттеснить моих «родных» туристов в сторону – тут уж приходится прерваться и указать «энтузиастам» на всю недопустимость подобного поведения. Однако так, к счастью, приходится делать не часто.

С гордостью констатирую: людей, ожидающих в музее Дали «трамвая», все-таки значительно больше! Такие обязательно и от всей души благодарят за неожиданно доставленное удовольствие, рассыпаются в приятных, что греха таить, комплиментах, просят визитку и записывают номер телефона, обещая обязательно порекомендовать нас своим друзьям – что, кстати, и делают.

Все это я к тому, что людей, которых я вольно или невольно «ввел» в Театр-музей за годы активной деятельности, действительно очень и очень не мало (да, профессиональные экскурсоводы в глубине души своей тщеславны и, подобно рыбакам или снайперам, тоже ведут свой счет) – и, быть может, именно количество тех, кому понравилось, как я это делаю, породило во мне определенное (небольшое) тщеславие и послужило одним из побудительных мотивов для написания этой книги.

По существу, правильная профессиональная экскурсия – это хорошо срежиссированный, спектакль, и если играешь в нем роль давно, и играешь, судя по отзывам зрителей, вполне достойно, становится жаль, что все это действие живет только во время представления, а после, когда падает занавес – исчезает.

Именно этой тающей эфемерностью театр и отличается от кино. Должно быть, однажды мне захотелось зафиксировать, удержать этот живой спектакль во времени, а сделать это я могу и умею единственным способом – написав о нем книгу.

Да, этот способ изначально несовершенен. Через страницы книги не получится, к сожалению, передать тот «драйв», напор и энергетику, которыми, как говорят, обладают мои «живые» экскурсии – однако есть в этой «фиксации» и свои плюсы: я не буду скован жестким лимитом времени, и точно так же не будут скованы им и мои читатели.

Дело в том, что на экскурсии у тебя есть лишь несколько часов, а у твоих туристов – и того меньше, потому что всегда наступает момент, когда мозг и чувства человека уже не в состоянии воспринимать поток совершенно новых для него знаний и ощущений.

Книга же как раз и предоставляет уделить больше места кое-каким полезным пояснениям, для которых не всегда находится время в процессе экскурсии. И каждый раз жалеешь, что так и не успел рассказать своим туристам даже четверть того, что хотел бы.

Книга же, которую, если устанешь от чтения, всегда можно отложить в сторону и вернуться к ней позже, как раз снимает эту проблему, давая мне возможность свободно «растекаться мыслью по древу» – и это еще один из поводов, чтобы ее написать.

Тем не менее, еще раз особо отмечу: книга задумана именно как практический путеводитель, руководствуясь которым, любознательный турист сможет не только «выжить», но и получить цельное представление о Театре-музее в рамках одного визита.

На страницах ее я вовсе не собираюсь заниматься инвентаризацией всего того скарба, который запасливый Дали – Плюшкин поистине вселенского масштаба – копил на протяжении жизни, чтобы немалую часть его разместить впоследствии на территории музея. Только перечисление этих сомнительных сокровищ заняло бы минимум неделю.

Нет, нет и нет – во всем, что касается собственно «Театра-музея», обязуюсь точно следовать маршруту своей же авторской экскурсии и рассказывать лишь о достойных изумления шедеврах самого Дали и тех объектах, без которых невозможно постижение музея в целом. Отмечу, что и таких экспонатов в Театре-музее несколько более, чем достаточно – но никто и не обещал, что задача будет простой!

О Сальвадоре Дали написан не один десяток книг – замечательных, посредственных и плохих. Есть очень подробные книги-каталоги, отдельно рассказывающие и о его Театре-музее. Но нет ни одной книги, которая объяснила бы, что и как нужно смотреть и видеть в этом доме загадок, чтобы извлечь из визита максимальное удовольствие и пользу – и не кануть при том в безвозвратную пучину безумия.

Вот так я подобрался к определению жанра, в котором будет написан «Мой Сальвадор Дали» – это будет книга-экскурсия! То самое «руководство по выживанию в Театре-музее Сальвадора Дали в Фигерасе», составленное опытным инструктором, имеющим за плечами минимум полтысячи проникновений «за линию фронта».

Да, задача не будет простой. Активный познавательный туризм – дело и вообще чреватое потерями, как для экскурсовода, так и для его жер... – простите, туристов.

На собственном примере – за четыре часа полноценной, проведенной в высоком непрерывном темпе экскурсии теряешь не меньше килограмма живого веса, как за время основательной спортивной тренировки – и всю эту сжигающую вес энергию вкладываешь ведь не куда-нибудь, а именно в своих туристов – им же, в свою очередь, тоже приходится здорово потрудиться, чтобы принять и усвоить этот энергоинформационный поток!

Что же, потрудимся и сейчас: я – записывая, а вы – читая, и, уверен, труд этот не будет напрасным. Владея информацией, которую я собираюсь здесь изложить, вы сможете спокойно пройти всеми лабиринтами и минными полями Театра-музея, даже не имея рядом азартно жестикулирующего и непрерывно болтающего живого меня! Именно потенциальная польза, которую, уверен я, читатель сможет извлечь из прочтения этой книги, стала еще одной причиной для ее написания.

И, наконец, еще один – и самый главный – мотив предельно прост и заключается в том, что мне близок и понятен Сальвадор Дали и порожденный им прекрасный организованный хаос. Я не испытываю к Дали и его музею отвлеченно-холодного академического интереса – будь так, я просто не смог бы там работать.

В этом секрет профессии. Если хочешь стать хорошим экскурсоводом – ты должен сам любить то, о чем рассказываешь. И не просто любить, но жить этим. Если же этого нет – и в туристах своих ты сможешь породить только нелюбовь или равнодушие. В этом весь фокус и главное отличие настоящего экскурсовода от человека, просто выполняющего свою работу – при прочих равных. Поэтому и здесь, на страницах этой книги я обещаю быть глубоко и намеренно пристрастным во всем, что касается моего личного отношения к Дали – и в то же время обещаю соблюдать максимальную объективность во всем, что касается фактов, связанных с жизнью и творчеством знаменитого каталонца.

Не уверен, впрочем, можно ли разделять две этих сущности: жизнь Дали и его творчество. Не будем забывать: сам Сальвадор Дали называл главным и самым талантливым своим произведением собственную жизнь, от начала и до конца прожитую им в полном соответствии с канонами сюрреализма – и был, безусловно, прав. Невозможно постичь творения художника, не принимая в расчет особенности его уникальной личности и обстоятельства его бурного, яркого и зачастую весьма противоречивого бытия.

Точно так же невозможно разделять и его Театр-музей на обширное собрание случайных, никак не связанных между собою объектов – на условности и недопустимости такого разделения категорически настаивал сам художник.

Что же, прислушаемся к его совету и не станем заниматься вивисекцией – что в отношении живого организма крайне нежелательно. А ведь Театр-музей Сальвадора Дали и есть, по моему представлению, совершенно живой организм: я бы назвал его гениальным бессмертным мозгом Дали, по невероятным извилинам которого художник и приглашает нас прогуляться.

«Ленин умер, но дело его живет» – говорили в моем далеком советском детстве. Эти слова вполне применимы и к Сальвадору Дали: тело художника уже четверть века покоится под сценой Театра-музея, однако искусство его бьет пульсами жизни, будоражит и фонтанирует, доказательством чему служит все возрастающий интерес публики к главному и самому масштабному его произведению – Театру-музею в Фигерасе.

Я люблю этот музей, совсем не похожий на музеи в классическом понимании этого слова. Не будет преувеличением сказать, что я считаю его одним из лучших в мире, если не самым лучшим. За годы работы я провел в нем бесчисленное множество экскурсий – и теперь предлагаю вам совершить одну из них вместе.

И, поскольку это именно «Театр-музей», занимайте места согласно купленным билетам и устраивайтесь в креслах поудобнее. «Я хочу, чтобы мой музей был монолитом, лабиринтом, огромным сюрреалистическим объектом. Это будет абсолютно театральным музеем. Приходящие сюда будут уходить с ощущением, будто им привиделся театральная сон», – говорил о своем будущем музее Сальвадор Дали. Что же, все получилось – мы в театре. Первый звонок, второй, третий... Убегают друг от дружки прочь бордовые, с золотыми коронами, половины тяжелого занавеса – представление начинается.

P.S. Послесловие к введению во введение. Прошу прощения, дорогие потенциальные читатели! Приимерно на середине пути, оценив объем своего стремительно распухающего фолианта, я понял, что речь о «введении», пожалуй, уже не идет. Мимо воли я все-таки «подзагрузил» повествование всеми теми подробностями, нюансами и «маленькими, но существенными» деталями, которые тщусь и все равно не успеваю рассказать своим туристам во время «живой» экскурсии.

Не без гордости упомяну о неоспоримых достоинствах сего труда – написав книгу, я смог разглядеть их и сам. Во-первых, эта книга ни в коей мере не является компиляцией – она оригинальна от начала и до конца, как оригинальны и живые экскурсии, которые мы проводим. Во-вторых, немалое количество содержащейся в ней информации публикуется на русском языке впервые. И, в третьих, многие арт-объекты Сальвадора Дали тоже были описаны мною впервые – а делать это, поверьте, не так просто – как и любому первопроходцу.

Главы книги (в особенности, посвященные описанию экспонатов музея) я постарался сделать в известной степени автономными – что при необходимости даст вам возможность открыть нужную страницу, например, в середине или даже конце книги, и получить цельную, без каких-либо существенных потерь, информацию о конкретном арт-объекте.

Кроме того, я снабдил книгу краткой биографией знаменитого каталонского усача – полагаю, она не будет лишней. Все-таки формат книги дарует свои неоспоримые преимущества!

А если так – зачем ограничивать себя (и читателя) в том, что считаешь важным? Так и получилось, что объем вырос примерно втрое против задуманного, а вместе с тем появилась и уточненная версия названия: «Погружение в Театр-музей Дали». Впрочем, ни сути, ни цели это нисколько не меняет. Погружаемся!

Путешествие из Барселоны в Фигерас

Сальвадор Дали и Барселона – зачатые друзья

Сальвадор Дали и Барселона – зачатые друзья

Декорации первого действия – графский город Барселона: отсюда мы возим на экскурсии большинство своих туристов. Машина припаркована рядом с отелем, полчаса до начала; в ближайшем кафе мы с водителем заказываем традиционный кофе с круасаном, и я размышляю о странных, сложных, полных взаимных обид отношениях между Барселоной и Сальвадором Дали. Собственно, можно подумать, что этих отношений не было вовсе.

Вселенная Сальвадора Дали очерчена раз и навсегда. Каждый раз, когда звучит имя великого и скандального каталонца, обязательно в связи с ним упоминаются другие точки на карте земного шара.

Фигерас – город, где художник родился, прожил начало и конец своей жизни, где он создал потрясающий Театр-музей, в центре которого, кстати, и похоронен... Город, куда мы с вами и направляемся.

Кадакес – городишко контрабандистов и моряков на самом краю каталонской географии, откуда родом дед и отец художника, где сам он ребенком проводил благословенные летние месяцы и который воспел в своих удивительных полотнах.

Порт-Льигат – «пригород» Кадакеса, рыбацкая деревушка в четырех живописных километрах от Кадакеса, где художник десятилетиями строил свой уникальный, как и все его творчество, дом, в мастерской которого были написаны лучшие вещи Маэстро.

Пуболь – затерянная в глуши под Жироной деревушка с населением в полсотни человек, над которой умеренно громоздится самый настоящий (пусть и небольшой) баронский замок, преподнесенный Дали в дар супруге в конце шестидесятых годов 20-го века.

Упоминаются, наконец, Париж и Нью-Йорк, где Дали и Галя бывали ежегодно и живали подолгу – но никогда в ареале художника сколько-нибудь серьезно не фигурирует прекрасная Барселона.

Между тем, со столицей Каталонии Сальвадор Дали был связан всю жизнь – и связан гораздо более прочными и разносторонними узами, чем может показаться на поверхностный взгляд.

В 1881 году в столичную Барселону перебрался дед будущего гения, Галь Дали, и перевез с собой всю семью: жену Терезу Куси и троих детей: старшую дочь Катерину и двух сыновей – Рафаэля и Сальвадора (будущего отца художника).

В 1886-ом Галь покончил жизнь самоубийством, однако к тому времени Катерина успела уже выйти замуж за адвоката Жозепа Мариа Сераклара – именно в доме дочери с мужем нашла Тереза с мальчиками пищу и кров.

Отец художника, Сальвадор Дали и Куси, изучал в Университете Барселоны право, а его брат Рафаэль – медицину. После окончания учебы Сальвадор нашел место нотариуса в родном Фигерасе и уехал работать и жить туда, прихватив с собой молодую красавицу-жену Фелипу. В Барселоне родители будущей усатой «мегазвезды» познакомились, полюбили друг друга и здесь же, в барочной церкви Мерсе, что в Готическом квартале, состоялось их венчание.

И мама Дали, и вся родня с ее стороны – коренные барселонцы с улицы Монткада. Один из ее братьев, Ансельмо, владел библиотекой «Вердагер» на бульварах Рамблас, как раз напротив оперного театра «Лисео». Он же основал «Вагнерианское общество Барселоны», а также, вместе с музыкантами Луисом Милле и Амадеу Вивесом, стоял у истоков создания хорового общества «Каталонский Орфей».

Именно дядюшка Ансельмо снабжал юного Сальвадора нужными книгами по искусству, а также красками, кистями и прочими принадлежностями начинающего живописца.

Если учесть, что дядя Ансельмо был еще и видным членом общества «Атеней» (главного культурно-просветительского общества с национал-каталонской идеологией и штаб-квартирой в Готическом квартале), и близким другом Жозепа Далмау, известного галериста, станет очевидным, что при таких-то барселонских родственниках Дали просто обречен был начинать свою карьеру в Барселоне, где и тогда, и сейчас, собственно, кипела вся, без остатка, культурная жизнь Каталонии, и которую уже в 19-м веке связывало с Фигерасом регулярное железнодорожное сообщение.

Сколько-нибудь резонансные первые явления творчества Дали публике тоже, что вполне естественно, связаны с Барселоной. В 1922-м году в стенах уже упомянутой нами не раз галереи Далмау среди работ других каталонских художников появились восемь работ юного Дали, а тремя годами позже, в 1925-ом, с 14 по 27 ноября там же прошла уже персональная выставка Сальвадора. Еще одна персональная выставка все в той же Галерее Далмау состоялась и в 1927-ом. Благодаря этим выставкам о Дали стала понемногу писать барселонская пресса.

Согласны: по сравнению с Парижем все это носило довольно провинциальный характер, однако все мы прекрасно знаем: любой, даже самый долгий, путь начинается с первого шага. И этот шаг к вершинам славы и богатства Сальвадор Дали сделал именно в Барселоне.

Выставлялся в Барселоне он и впоследствии: в 1933-м и 1934-м г.г., а потом – в 1952-м. В 1962-м его замечательная «Битва при Тетуане» совместно с одноименной работой Мариано Фортуня экспонировалась не где-нибудь, а в королевском зале «Тиннель» Большого Королевского дворца в Барселоне – а это не шутки!

Особо следует отметить огромную ретроспективную выставку работ Дали в 1983-ом, когда публика смогла увидеть более 400 шедевров Маэстро, собранных со всего света.

В Барселоне Дали приобретал первые навыки и опыт в искусстве скандала и эпатажа – что впоследствии станет его «фирменным» приемом. Чего стоит хотя бы лекция «Моральная позиция сюрреализма», которую 26-летний Сальвадор читал в авторитетнейшем культурном центре каталонской столицы «Барселонский Атеней»!

Заметим, аудиторию молодого художника составляли сливки интеллектуальной и творческой элиты Каталонии. В ходе лекции молодой и задорный Дали умудрился назвать одного

из столпов каталонской культуры, драматурга Анхеля Гимерра, занимавшего, кстати, долгое время пост председателя «Атенея», «жирной свиньей», «педерастом» и «отвратительно воняющем гнильем»!

Далее Сальвадор предложил разрушить до основания Готический квартал Барселоны, на территории которого, собственно, и читал в тот момент лекцию, запретить национальный каталонский танец сардану, а также намеревался преподнести в дар библиотеке уважаемого общества экземпляр собственной, напечатанной маленьким тиражом книжицы «Видимая женщина» с дарственной надписью следующего содержания: «Прогнившему насквозь «Барселонском Атенею, без уважения».

Закончилось все, как и следовало ожидать, грандиозным скандалом. Несколько наиболее горячих членов почтенного собрания бросились бить Дали его юную наглую морду, и каким-либо теплым отношениям художника с интеллектуальной элитой Барселоны на долгое время был положен постыдный конец. Эх, Дали, Дали – до чего же скандальным и вредным характером обладал он в молодости – как, впрочем, и в зрелые годы! Справедливости ради все же отмечу: в 1950-ом, через два года после возвращения из Америки, где Дали и Галя прожили восемь лет, художник (теперь уже звезда мирового уровня) вновь выступил в «Атенею» с лекцией, в тексте которой звучали явные нотки примирения.

Неизменная штаб-квартира Дали в Барселоне, начиная с 50-хх – первый по-настоящему роскошный отель города с коротеньким, но веским названием: «Ритц». Отель этот существует и сейчас, разве что, сменил название на «El Palace GL» – а в остальном все осталось прежним. Все та же роскошь и слегка потускневший гламур, все то же запредельное количество звезд, и даже номер площадью 150 м кв, в котором с середины 30-х любили останавливаться Дали и Галя, носящий и поныне гордое название «Royal Suite Salvador Dali» – почти не претерпел изменений.

Огромная, в полсотни метров, гостиная, две просторных спальни, ванная комната в стиле римских терм, индийские ковры ручной работы, антикварная мебель... Цена за ночь даже в самый глухой сезон стартует от трёх с половиной тысяч евро, но оно и понятно – это же «королевский номер Дали»! Хочешь приобщиться к великому и ужасному Сальвадору, хочешь хотя бы на одну ночь почувствовать себя «королём» – плати! И платят, поверьте, охотно!

С отелем этим связан забавный эпизод. В 1971-м году по поручению Дали в его роскошный номер с римскими банями и антиквариатом было затащено чучело белого коня.

На следующий день, украсив животное предметами церковной утвари и восседая на нем верхом, Сальвадор Дали дал пресс-конференцию, во время которой объявил, что недавно купил для своей возлюбленной супруги замок, отремонтировал его, однако ему нечем украсить интерьеры – и по этой причине он принимает подарки от всех желающих.

Сам он подарил жене вышеозначенного коня. В те дни отель превратился в проходной двор. Желающих подарить что-либо усатому земляку нашлось предостаточно.

Каких только забавных и страшных, больших и маленьких, уродливых и симпатичных странностей не приволакивали в отель отзывчивые дарители! Дали, как и всякий урожденный каталонец, склонный к накопительству, все принимал, ни от чего не отказывался и ничего впоследствии не выбросил.

Многие из этих «подарочков» до сих пор можно видеть в его Театре-музее в Фигерасе, в резиденции художника в Порт-Льигате либо в замке Галя. Там же, в замке, прописан ныне и тот самый шедевр таксидермии – белый конь, убитый в свое время на корриде и тоже подаренный Дали поклонниками его таланта.

И, раз уж речь зашла о таксидермии, применительно к Сальвадору Дали, нам сюда – на Королевскую площадь! На мой взгляд, одна из красивейших площадей Барселоны, находящаяся аккуратно рядом с бульварами Рамблас, окруженная со всех сторон узкими коридорами средневековых улочек, с пальмами, аркадами, архитектурой в стиле «ампир» и фонтаном

«Три грации», с обилием баров, кафе, ресторанов, музыкальных клубов – площадь эта действительно хороша! «Ресторанов» – сказал я. Как раз о ресторанах, точнее, об одном из них, и пойдет речь.

«El Taxidermista» («Таксидермист») – несколько странное название для ресторана, не правда ли? С таким же успехом его можно было бы назвать, например, «Парфюмер» (что вполне логично, если учесть, что ряд сцен нашумевшего триллера «Парфюмер» как раз на Королевской площади в Барселоне и снимали), или, например, «Анатомический театр», что еще ближе к славному делу таксидермии...

Поистине, странное название! Во всяком случае, первые, вторые и третьи ассоциации, возникающие у каждого нормального человека при виде такого названия, вряд ли будут способствовать чувству голода и желанию его срочно в этом самом ресторанчике утолить! Но идем дальше. Под аркой, над самым входом в заведение нас встречает еще более обескураживающая вывеска: «МУЗЕЙ». И куда это, скажите, годится?

Дочитаем эту длинную вывеску до конца и совсем уж озадачимся, ибо целиком она гласит: «ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК».

Что же, настало время раскрыть историю этого места, а также объяснить, каким образом оно связано с Сальвадором Дали. В 1859-м г. в этом помещении разместилось заведение «Gran Cafe Espanol» известное своей донельзя утонченной публикой и яростными баталиями на литературные темы, возглавлял которые номинант на Нобелевскую премию по литературе, уже известный нам Анхель Гимерра – тот самый, которого молодой Сальвадор называл в свое время разными нехорошими словами.

Кафе прекратило существование в 1926-м, а на его месте некто Луис Солер, человек, нежно влюбленный в природу, по профессии – таксидермист, открыл свой магазин-мастерскую, совмещенный с небольшим музеем, экспонатами которого стали, главным образом, его собственные таксидермические поделки.

Именно об этом периоде и свидетельствует красивая, сохранившаяся по сегодняшний день вывеска над дверями заведения. Мастерская Солера пользовалась, кстати, заслуженной популярностью: сам король Испании Альфонсо 13-ый заказывал здесь чучело ноги своего любимого жеребца (после того, разумеется, как животное издохло), а знаменитый в те времена каталонский тореадор и актер Марио Кабре – голову убитого им на корриде быка, которую он впоследствии подарил кинодиве Эве Гарднер.

Но самый необычный заказ сделал, понятно, Сальвадор Дали – иначе он не был бы Дали. Художнику потребовались, ни больше, ни меньше – чучела 200 000 муравьев! Даже такой профессионал, как Луис Солер, оказался не в состоянии реализовать очередную причуду маэстро Дали, что, впрочем, художника нисколько не расстроило.

Он продолжал пользоваться услугами заведения, и для него здесь были выполнены чучела таких животных, как тигр, лев, и даже детеныш носорога, как можем мы наблюдать на фотографии.

Очень жаль, что замечательная лавка Солера, известная в народе под простецким названием «Музей Зверей» закрылась в 1999-м, и началась новая история этого места – теперь уже в качестве ресторации. Интерьеры ресторана по сию пору, кстати, украшает Сальвадор Дали верхом на носороге – загляните, и лично в этом убедитесь.

Кстати, совсем свежие новости – недавно все-таки владельцы заведения все-таки сменили название на более подходящее: Marisco – что совершенно правильно с точки зрения коммерции. Однако прежнее – «Таксидермист» – было, согласитесь, гораздо оригинальнее и лично мне нравилось куда больше!

Сальвадор Дали и вообще любил Королевскую площадь. До сих пор под номером 17 здесь открыты двери бара-фламенко «Los Tarantos», где Дали, привлеченный талантом замечательной танцовщицы Марухи Гарридо, в свое время бывал частым гостем.

А на противоположном углу, где к площади выбегает крохотная улочка «Vidre», до сих пор сохранилось одно из старейших заведений в Барселоне: Herbolario del Rei – лавка, торгующая всевозможными травами и снадобьями на их основе. Эдакое романтически-колдовское местечко, которое, кстати, засветилось и в страшном триллере «Парфюмер» – режиссер фильма, Том Тыквер, просто не мог пройти мимо этого очаровательного обломка старины.

Herbolario del Rei

Частенько хаживал сюда и Сальвадор Дали. В лавке продавался травяной чай, на обертке которого присутствовал портрет Наполеона – личности, безмерно Дали обожаемой. «В шесть лет я хотел стать поваром, в семь – Наполеоном, и с тех пор мои амбиции неуклонно растут! – вспомним одно из высказываний художника. Так вот – в этой чудесной лавке Дали, будучи уже богатым и знаменитым, занимался, среди прочего, и тем, что безбожно выцыганивал очередную упоковочку вышеозначенного чая, обещая каждый раз подарить взамен рисунок, сделанный его гениальной рукой. Чай он, в конце концов, неизменно получал, а вот рисунка владельца заведения от него так и не дождались.

В числе мест, которые активно посещал Дали в Барселоне, следует упомянуть и лавку по продаже альпаргат (и их каталонской разновидности – эспарденьяс), которая торгует этой обувью до сих пор и находится на улице Авиньон в Старом городе, и, конечно же, известнейший рынок Барселоны – Ла Бокерия.

В фруктовых рядах этого славного заведения Дали традиционно приобретал финиковый мед, а медом этим, как известно, намазывал свои великолепные усы. Процедура эта регулярно проделывалась художником для того, чтобы придать усам нужную форму, но, конечно же, главным образом для привлечения мух: кто же не знает, что Дали считал этих насекомых существами божественными, проводниками творческой энергии неба, и был неподдельно счастлив, когда мухи, очарованные медовым ароматом, усаживались на тонкие антенны его усов.

А если уж речь зашла о рынке и, следовательно, о еде, обязательно следует упомянуть и о барселонских ресторанах, в которых любил отобедать или отужинать великий сюрреалист. Многие из заведений, которые попользовались особой любовью Сальвадора Дали, благополучно существуют и поныне. Это и замечательный, один из старейших в городе ресторан «Los Caracoles» («Улитки»), расположенный на улице Escudellers – открывшийся еще в 1835-м году и, как и прежде, заслуженно процветающий.

Да-да, те самые «Улитки», где даже хлеб подают в форме существа, давшего название ресторану; те самые «Улитки», где особенно хороша самая настоящая печь на дровах, которые загружаются поварами в недра ее прямо с улицы; те самые «Улитки», где, помимо регулярно посещающих это колоритное заведение каталонцев, бывали и заезжие знаменитости: Ленни Кравитц, Джимми Картер, Роберт де Ниро, Джорджо Армани... Но нам-то прежде всего интересны не они, и не Пабло Пикассо, и не Жоан Миро (которые, разумеется, тоже здесь бывали) а наш Сальвадор Дали – а он, как мы уже сказали, вкушал здесь пищу богов далеко не единожды! Об этом красноречиво свидетельствует бережно хранимая на видном месте фотография с очень знакомым автографом.

Вглядитесь в эти лица! Узнаете пронзительный, умный, немигающий и тяжелый взор каталонского Маэстро? А в глубине снимка – не самую искреннюю улыбку и небольшие, близко посаженные глаза Музы художника – нашей незабвенной Гала? Узнаете оставленный Дали на память автограф? Вот то-то!

Если бы я оказался в Барселоне в качестве туриста (что, увы, невозможно), то обязательно бы скоротал вечерок за ужином в ресторане «Los Caracoles». Он всячески достоин этого – уже за одну свою историю и живописную атмосферу. Но ведь есть еще и кухня, и, поверьте, весьма и весьма неплохая!

И, если уж речь зашла о ресторанах, следует упомянуть и еще парочку заведений, которые любил посещать Дали в Барселоне: el Via Veneto, Les Sets Portes, el Perellada, Quo Vadis, el Windsor, La Orotava – в эти живописные, славные долгой и богатой историей места Дали любил хаживать с супругой, либо, что случалось значительно чаще, особенно, с середины 60-х (Гала старела и все реже показывалась на публике), в окружении шумной веселой ватаги молодых симпатичных людей мужского и женского пола, поставляемых ему в качестве эскорта модельными агентствами Барселоны.

Бывая в Барселоне, Дали отдавал дань и традиционной национальной забаве испанцев – корриде. С 2012 г. коррида, как известно, в Каталонии запрещена. А в свое время в одной только славной Барселоне было целых три арены для боя быков, и одна из них – «Plaza Monumental» – входила в число главнейших в королевстве Испания. Именно «Монументаль» и любил посещать Сальвадор Дали – причем, чаще всего, с Амандой Лир, популярной в свое время певицей, актрисой и фотомodelью. Кстати, популярной, прежде всего, ее сделала именно дружба с великим Сальвадором.

Многие, собственно, и стремились попасть в ближайшее окружение Дали только для того, чтобы в лучах его славы толпа разглядела и их скромные фигурки – и многим это удавалось. Впрочем, Аманду и сам Дали выделял из бесчисленной своей свиты. При первой же встрече он сделал ей довольно сомнительный комплимент, заявив: «У вас прекрасный череп и высококачественный скелет». Что же, обладательница «прекрасного черепа», решила, что нужно держаться к Дали поближе – и не прогадала. Вся ее последующая карьера – плод дружбы с уса-тым каталонцем.

Еще один момент, связанный с Дали-барселонцем, о котором практически ничего не известно – это его активная помощь своим землякам в США. Обычно Дали принято изображать эдаким законченным эгоистом и эгоцентриком, который никого кроме себя (и своей второй половинки – Гала) не видел, не замечал и не желал знать; который именовал себя даже не гениальным, а «божественным Дали», и следовательно, с высот своей «божественности» просто не мог разглядеть всякую прочую мелочь, копошащуюся далеко внизу, под его уходящими в стратосферу ногами. Смею вас уверить – это не так.

Сальвадор Дали использовал свою известность, связи и влияние, чтобы продвинуть в тех же Соединенных Штатах творчество таких своих земляков, как, например, Антони Тапиес, Хавьер Корберо, Бигас Луна – и многих других. Это, согласитесь, разрушает образ заносчивого и высокомерного небожителя – но настоящий Дали никогда таким и не был.

Однако поговорим о более серьезных вещах. Самая, на мой взгляд, значимая заслуга Дали перед Барселоной – его ключевая роль в переоценке наследия барселонского архитектурного модерна и, прежде всего, работ Антонио Гауди. Как мы знаем, Гауди успели забыть еще при жизни, и молодые рвущиеся к мировой славе творцы – как тот же Пабло Пикассо – отзывались о творчестве гениального каталонского зодчего в лучшем случае с пренебрежением и усмешкой.

Что же, время показало, как глубоко они заблуждались. Дали проявил куда большую дальновзоркость и вкус, более того: когда тот же Аполлинер заявил, что Гауди «дискредитировал Барселону своими многочисленными смехотворными постройками» (мнение, которое в то время разделяли, кстати, и сами барселонцы) – не кто иной, как Дали бросился на защиту великого земляка, выступив с горячей критикой этой узколобой позиции в «Минотавре».

Говорил это уже много раз, но повторю снова: заслуга в том, что о Гауди, пусть и после смерти его, заговорили во Франции, США, а потом и во всем остальном мире – если не целиком, то в весьма значительной степени принадлежит Сальвадору Дали. В 1950-м в журнале «Vogue» была опубликована статья «По Испании с Дали», где художник выступил в роли нашего коллеги, то есть, профессионального гида, рассказывая читателям о том, что им в первую очередь следует посетить в Королевстве Испания. Стоит ли уточнять, что львиная доля из того, что мастерски нахваливал Дали, это Барселона и работы Гауди!?

Дали назвал Антонио Гауди «первым галлюциногенным архитектором в мире» и всячески советовал каждому, кто окажется в Барселоне, непременно ознакомиться с такими экстраординарными работами архитектора, как Храм Святого Семейства, дом Мила, дом Батльо или парк Гуэль.

Именно в парке Гуэль 29 сентября 1956 г. триумфально прошла организованная художником выставка «Дали и Гауди», целью которой, кроме, разумеется, самопиара, без которого Дали просто невозможно себе представить, было привлечь внимание общественности к творчеству Антонио Гауди. И, учитывая популярность Сальвадора Дали и его умение из любого события сделать первоклассное шоу, безусловно, удалось.

Интересно, что для своего стопроцентного участия в мероприятии на территории парка Гуэль Дали выдвинул и пару условий: непременно наличие множества кур и целой отары овец, которых в определенный момент предполагалось запустить в толпу для того, чтобы, по словам Дали, образовался так ценный им «гармонический беспорядок», и, второе – небо над Парком Гуэль во время мероприятия должны были бороздить многочисленные самолеты. Ни одно из этих условий в итоге так и не было выполнено, что, впрочем, Дали ничуть не расстроило: он любил и умел пошутить, но прежде всего ценил все-таки дело.

Еще одно, очень любимое Дали творение «галлюциногенного архитектора Гауди» – знаменитый дом Мила, или Педрера. В полуподвальном помещении этого крайне необычного дома долгое время размещалась портняжная мастерская «Mosella», где Дали постоянно шил одежду на заказ, а с хозяином заведения находился в приятельских отношениях.

Дали – большой поклонник Антонио Гауди

Вся средиземноморская эстетика Антонио Гауди, эстетика «мягкого и твердого» – вспомним удивительный, невероятно тяжеловесный каменный массив «Педреры», который в то же время, благодаря волнообразным очертаниям фасада, кажется, не стоит на месте, а бесконечно перемещается – была невероятно близка Дали и, безусловно, оказала сильнейшее влияние на его творчество.

А совершив примерку или забрав уже готовый заказ, Сальвадору достаточно было спуститься тремя кварталами ниже, чтобы насладиться еще одним творением Гауди – домом Батльо, расположенном на том же проспекте по адресу Passeig de Gracia, 43.

«Фасад дома Батльо напоминает волнующее многообразие водных стихий!» – говаривал Дали и был совершенно прав. Фасадом этим Дали мог любоваться часами – и его можно только поздравить за тонкий вкус и безошибочное чувство прекрасного!

Подобных наипрочнейших связей Дали с каталонской столицей можно перечислить еще великое множество – им действительно несть числа.

А сейчас, дорогие друзья, покрепче вцепитесь в подлокотники: я сообщу факт, который вас огорошит: в огромном городе Барселона нет ни улицы, ни переулка, ни пассажа, ни площади, ни аллеи, ни скверика – нет ни одной географической родинки на теле города, которая носила бы имя Сальвадора Дали. Разумеется, вы не поверите.

Чуть отдышавшись от праведного негодования, вы даже, я уверен, обвините меня во лжи. Что ж – проверьте. Во времена Святого Гугля сделать это проще простого. Проверьте и убедитесь – я сказал чистую, правду. Чистую и горькую, как мытый хрен, правду. Среди 4207 улиц Барселоны, среди сотен городских площадей вы, как бы тщательно не искали, не найдете этого известного на весь мир имени.

Но почему, почему!?! – воскликнете вы. На свете нет и, скорее всего, не будет каталонца, который бы прославил Каталонию и, разумеется, столицу ее, Барселону, больше, чем незабвенный Сальвадор Дали! Три музея Маэстро, образующие так называемый «треугольник Дали» принимают свыше 1,5 млн посетителей ежегодно. Одних только билетов за год продается на сумму свыше 10 млн евро, а в целом экономический эффект от деятельности музейных объектов, связанных с именем Дали, оценивается и вовсе в приятную сумму – 180 000 000. Да, именно так – почти двести миллионов евро каждый год – кажется, этого более чем достаточно, чтобы возносить хвалу гениальному Сальвадору каждое утро и каждый вечер без исключения.

Так почему же, невзирая на все эти блага, которыми, словно золотым дождем, художник осыпал свою малую родину, в Каталонии до сих пор весьма противоречиво относятся к одиоз-

ной фигуре Маэстро, а в Барселоне, как мы выяснили, и вовсе не желают оказывать ему даже малую толику уважения?

«Нет пророка в своем отечестве» – это слова мне часто приходится повторять на экскурсиях применительно к Антонио Гауди – но в той же, если не большей, мере справедливо они звучат и в отношении Дали. Долгое время в Каталонии, и в столице ее – Барселоне – принято было относиться к Сальвадору Дали едва ли не пренебрежительно. Если его и ценили, то только за несомненное мастерство рисовальщика, а также за работы сюрреалистического периода – и не более. Сейчас в плане признания заслуг Дали на поприще искусства многое изменилось в лучшую сторону – но отношение к Дали-человеку остается весьма двойственным и в значительной мере негативным.

Так в чем же причина этой вселенской нелюбви? – воскликнете, продолжая ничего не понимать, вы. Что же, охотно расскажу, и назову не одну, а сразу три веских причины, по которым в Барселоне принято недолюбливать Сальвадора Дали.

Причина №1: Дали был горячим поклонником диктатора Франко, которого в про-социалистической и лево-республиканской Барселоне (умудряющейся при этом любить деньги во всех видах и проявлениях и быть самым дорогим городом Испании) активно ненавидят до сих пор.

Да, опять эта политика, без которой, к сожалению, никуда. Уже к концу жизни Маэстро, все, включая самого Дали, начисто забыли о том, что когда-то, в возрасте 19 лет, его задерживала полиция за то, что он укрепил на носу лодки запрещенную тогда «сеньеру» (национальный каталонский флаг), а после и вовсе угодил в тюрьму Жироны за лево-анархистские взгляды.

И все же – ведь это было, было. И вдруг – Дали-франкист? Да, и не просто франкист, а франкист убежденный, публичный и рьяный!

В 50-ые и, в особенности, в 60-ые г.г. прошлого века в среде мировой интеллигенции и творческой элиты (суть и состав этого глобального сообщества определить сложно – но оно, вне всякого сомнения, существовало и продолжает существовать) – так вот, среди этих людей Сальвадор Дали считался едва ли не «прокаженным».

Точно так же – как к совершеннейшей персоне *non grata* – к нему относились и все борцы за мировую справедливость в лице как целых стран (например, нашего родного Советского Союза, так и отдельных их представителей (взять того же Пабло Пикассо или Пау Касальса, рожденных, как и сам Дали, в Испании).

Причина столь неличеприятного отношения к грандиозному провокатору проста: мало того, что Дали в конце 40-хх вернулся жить и работать во франкистскую (читай, фашистскую) Испанию, так он еще и публично высказывался в поддержку диктатора Франко, всячески выражая свой восторг и преклонение перед «каудильо».

Если бы в своем советском детстве я хотя бы что-то слышал и знал о Сальвадоре Дали – я, разумеется, возненавидел бы его всеми фибрами своей пионерской души, заклеил бы его позором и предал полной анафеме, жестоко и беспощадно, как и надлежало в то время поступать со всеми врагами прогрессивного человечества.

Однако в детские годы творчество Сальвадора Дали несколько меня не интересовало, что, кстати, вполне нормально. Любовь к многогранному творческому наследию «ампурданского гения» пришла позже – а вместе с нею и интерес к самой персоне усатого каталонского провокатора, прожившего невероятно яркую и беспримерно противоречивую жизнь, которую сам он, кстати, считал своим главным произведением. А противоречий в его жизни таки хватало!

Да, вернувшись в Испанию из США в конце 40-хх, Сальвадор Дали принялся вдруг с редкостным пылом и искренностью восхвалять Франсиско Франко, для которого не существовало худшего врага, чем мировой коммунизм!

Вдумайтесь только: превозносить Франсиско Франко, бывшего заодно, или почти заодно, с Гитлером и руками своих «опричников» в самом начале Гражданской войны расстрелявшего лучшего, а, пожалуй, и единственного друга Сальвадора Дали – талантливейшего поэта Федерико Гарсиа Лорку! Каково?!

И ладно бы, Дали, вновь обосновавшись в Испании, тихонько бы сидел в своем возлюбленном Порт-Льигате и занимался творчеством – так нет же! Он принародно и повсеместно декларировал свою симпатию к безжалостному диктатору – хотя никто, что называется, за язык его не тянул. Первыми словами Дали по возвращению в Испанию были: «Я вернулся, чтобы навестить двух вождей Испании. Во-первых – Франсиско Франко. И во-вторых – Веласкеса.»

Затем Дали принялся превозносить Франко в связи с задержаниями политических оппонентов вождя и судебными процессами над ними, не забывая посылать самому каудильо поздравительно-хвалебные телеграммы по поводу смертных приговоров, выносившихся время от времени республиканцам.

Дали публично, целиком и полностью поддерживал Франко в борьбе с мировым коммунизмом и левыми всех и всяческих мастей, как это было, например в мадридском театре Мария Герреро 11 ноября 1951, когда в речи, посвященной открытию Первого Испаноамериканского Биенале, Сальвадор произнес свои ставшие легендарными слова: «Пикассо испанец – я тоже. Пикассо гений – я тоже. Пикассо 72 – мне 48. Пикассо известен во всем мире – я тоже. Пикассо коммунист – я нет!»

Разумеется, все эти дифирамбы Дали в адрес Франко не могли остаться незамеченными. 16 июня 1956 Дали был приглашен Франко во Дворец Пардо, где удостоился персональной аудиенции. Между художником и вождем сразу же установилось взаимопонимание и доверие, и беседа, в ходе которой вождь и художник провозгласили друг друга истинными защитниками Испании, доставила обоим собеседникам массу удовольствия. 2 апреля 1964 г. Правительство Испании одарило Дали высшей государственной наградой – Большим Крестом Изабеллы Католической, который дается лишь за «исключительные заслуги перед Нацией».

Интересно, что со временем степень восхвалений Дали в адрес диктатора все возрастала – вплоть до того, что художник стал считать одним из главных достоинств своей жизни «наличие такого вождя, как Генералиссимус Франко», которого провозгласил «образцом совершенного хладнокровия».

Когда в середине 60-х в Испании начался туристический бум, Дали тут же обозначил его истоки, причины и суть: «Я в высшей степени преклоняюсь перед генералом Франко, спасителем Испании – за то, что он привел страну к экономическому процветанию». Кстати, с этими словами Сальвадора Дали спорить трудно – все именно так и было, и люди в Испании той поры действительно стали забывать о нищете и разрухе времен Республики и Гражданской войны.

В ходе интервью 1969 г. в Кадакесе художник высказался следующим образом: «Восстановление монархии в Испании – деяние огромной важности, которое мог совершить только такой человек, как Франко, обладающий феноменальным чутьем политика. Более того – Франко вернул к жизни и другие монархии Европы... Великий порок испанцев – присущая им истеричность, и лишь время от времени на свет рождаются представители нашей нации, ибавленные этого недостатка – такие, как Веласкес и Франко... К счастью, Франко – галисиец, а значит, обладает необходимым качествами для того, чтобы держать в узде присущий испанцам анархизм.»

В этом же интервью Дали яростно обрушился на социализм – идеологию, которая, по его словам, «полностью дискредитировала себя во всем мире, и придерживаются ее лишь псевдоинтеллектуалы и художники, безнадежно застрявшие в прошлом пятидесятилетней давности».

Однако безусловным апофеозом далианского почитания Франко стала картина «Конный портрет Кармен Мартинес Бордиу» – свадебный подарок Альфонса де Бурбон-и-Дампьер (внука короля испании Альфонсо Двенадцатого) своей невесте. Для того, чтобы понять, при-

чем тут Франко, внесу одно маленькое уточнение: Кармен Мартинес, известная как «Карменсита», или «La Nietisima» (что можно перевести как «Внучечка» – любимая внучка диктатора.

Сальвадор Дали и диктатор Франко

Последние штрихи к этой картине, датированной 1972-ым г., Дали добавил несколько позже, и при весьма любопытных обстоятельствах. Это случилось в рамках конференции под названием «Веласкес и я», устроенной Дали в музее Прадо 29 мая 1973 г., в присутствии самой Карменситы и, вдобавок, перед одной из работ Веласкеса – чувствуете размах и глубокий символизм мероприятия?

Разумеется, франкистская пресса подробно и широко освещала все, связанное с этим королевски-диктаторским заказом, благодаря чему сохранилось множество фотографий, на которых весьма серьезный и почтительный Дали дает пояснения диктатору относительно замысла и деталей полотна.

Кстати, история этого заказа и связанных с ним обстоятельств сама по себе весьма интересна, и как-нибудь мы обязательно побеседуем об этом подробнее, но сейчас важно другое: в самом факте написания этой картины, а точнее, в персоне человека, который ее заказал (а это, был, как мы уже сказали, Альфонсо де Бурбон, лицо самой что ни на есть королевской крови) проглядывают ростки следующей крупной любви, которой Дали вот-вот отдастся с той же истовостью и рвением: любви к королям.

Да-да, так и есть – в этом заказе объединились настоящая и будущая любви Дали – любовь к диктатору и любовь к монарху. Кому не известно, что после смерти Франко Дали перенес всю мощь своих верноподданических чувств на короля Испании, Хуана-Карлоса Первого и его супругу, причем, в выражении своей горячих чувств к монархии и монархам сделался, если только это возможно, еще более неукротим и неистов!?

И еще более искренен, черт побери! Пытаясь понять мотивы поступков Дали, можно сломать голову – поскольку логического объяснения им, на первый взгляд, не найти. Ведь не мог же умнейший Сальвадор не осознавать в свое время, сколько ненависти и неприязни навлечет на себя непрестанными восхвалениями диктатора? И это в то время, когда все миро-

вое сообщество считало Франко жестоким тираном и «испанским Гитлером»? Это в то время, когда многие испанские творцы мирового масштаба демонстративно объявили, что ноги их не будет на испанской земле, пока сердце ненавистного тирана не перестанет биться!

А Дали неустанно пел вождю дифирамбы, зная, сколько шишек будет сыпаться на его замысловатую голову. Зачем? Зачем!? Ведь, вернувшись во франкистскую Испанию, Дали уже был мировой звездой и далеко не бедным человеком. Ему не нужно было превозносить режим, чтобы элементарно выжить. И смерть от расстрела, если он не будет денно и ночью кричать о своей политической лояльности, ему тоже не грозила. Зачем же, в таком случае, он это делал? Ответ, на мой взгляд, прост и ясен, как утреннее небо над Барселоной. Дали делал это по искреннему велению своей непостижимой души. Дали делал это, потому что ему нравилось это делать. С молодых ногтей, как известно, художник преклонялся перед властью. Даже не так – Властью.

Вспомним его увлечение такими фигурами планетарного масштаба, как Наполеон, Ленин, Гитлер, Колумб – абсолютными и всевластными властителями огромных территорий и многомиллионных человеческих масс, либо людьми, вообще раз и навсегда бесповоротно изменившими мир, как тот же Колумб?

Франсиско Франко был из той же когорты – получеловеком-полубогом, делавшим историю и менявшим мир; Франко в глазах Дали был богоизбранным спасителем Испании, точно так же, как себя самого художник определил в «спасители мирового искусства» – и близость к каудильо, я абсолютно в этом уверен, наполняла Дали острейшим, ни с чем не сравнимым удовольствием! Шутка ли – быть в хороших личных отношениях с человеком, который безраздельно, жестокой, почти как у Всевышнего, рукой властвовал над миллионами испанцев! Власть, власть, власть над миллионами особей своего вида – вот величайший из наркотиков, и Дали, безусловно, не мог не пасть его жертвой! Франко, безжалостный, дальновидный и мудрый диктатор в восприятии Дали, был идеальным воплощением этой власти – отсюда и вся далианская к нему любовь, которая, при иных обстоятельствах, могла бы показаться «тонким троллингом», как принято выражаться сейчас.

Искренняя и беззаветная любовь к испанскому «богоизбранному», по мнению Дали, властителю, проводившему ту «линию партии», которая как раз отвечала новым политическим и идеологическим приоритетам самого Дали – вот объяснение фанатически-декларативного персонального «франкизма» Дали. Подчеркну, главное слово здесь – искренность. Это качество, которое всегда было свойственно Дали, и которое способно оправдать многие, без преувеличения, отвратительные его поступки – если не полностью, то хотя бы частично.

Да, Дали был последовательно и предельно искренен в своих симпатиях к анархизму, коммунизму, франкизму и монархизму. Когда старая идеология переставала его по тем или иным причинам устраивать, он не только без сожалений, но и с отвращением выбрасывал ее, как пару отслуживших перчаток, в урну и тут же обзаводился новой, избранной на основе глубокой личной симпатии.

Причина №2 – после смерти Каудильо Дали сделался горячим и преданным монархистом – и таким оставался до конца дней. Что до каталонского национализма, Дали, особенно в зрелом возрасте, относился к нему сугубо негативно и отношение это постоянно декларировал на публике. В этой связи национальный головной убор каталонцев – барретина, которую он постоянно напяливал на свою гениальную голову, позируя перед фотоаппаратами, может и должна восприниматься, как изощренно-едкая насмешка над самыми святыми чувствами своих национал-сепаратистски настроенных земляков.

Причина №3, самая веская: Всё это, разумеется, так, и всё это важно, но главная причина не любить Сальвадора Дали кроется в его завещании – в том самом завещании, которое в Каталонии, и, в особенности, в Барселоне ему не могут простить до сих пор.

Коснемся этого вопроса подробнее. Предпоследний вариант совместных завещаний (тогда Галя еще была жива) супруги Дали подписали 12 декабря 1980 года. Согласно ему, после смерти Дали и Галя половина их имущества поступала в распоряжение Королевства Испании, а вторая – «каталонскому народу в лице регионального управления или любого другого учреждения, которое будет его представлять».

Отметим, что в этом завещании Дали особенно выделил новый пункт, гласивший: «Я настоятельно рекомендую каталонскому правительству помнить, насколько мне всегда был дорог мой музей в Фигерасе». Иными словами, согласно этому варианту, все сестры получали по серьгам, и наследство Дали, после смерти его и его супруги, надлежало разделено в равных долях между Каталонией и Мадридом.

Именно с этой поры вокруг сильно одряхлевшего Дали и находящейся в двух коротких шагах от смерти Галя начались настоящие танцы с бубнами: и каталонцы, и Мадрид всячески обхаживали художника, надеясь, что всевозможные бонусы и реверансы в его адрес в конце концов сподвигнут его поменять текст завещания и отписать все одной из двух заинтересованных сторон.

Битва, прямо скажем, разгорелась нешуточная – на кону стояли большие культурные ценности, финансовый эквивалент которых уже в те годы тянул на десятки миллионов в твердой зеленой валюте. К Дали зачастил сам тогдашний Президент Женералитата (каталонского правительства) – Жорди Пужоль, ненавязчиво пытаясь склонить Маэстро на сторону Каталонии. Кроме того, в 1981 году за заслуги в области искусства Сальвадор Дали был награжден высшей наградой каталонского правительства – Золотой медалью Женералитата.

Однако тягаться с центром было сложно. Мадридские власти закрыли глаза на налоговые проблемы Дали, коих у него всегда было предостаточно, а после смерти Галя в 1982 году и вовсе засыпали Сальвадора милостями. Уже через две недели после смерти Галя король Хуан-Карлос даровал Дали титул маркиза. Кроме того, испанское правительство выразило желание купить у Мэтра две любых его работы и заплатило за них сумму, эквивалентную 500 000 фунтов стерлингов – деньги по тем временам (да и по этим) огромные. Сделка состоялась, и средства эти были перечислены на специально по этому поводу открытый в Фигерасе счет и предназначались на «ведение домашнего хозяйства, найм сиделок, медперсонала» и т. д.

Король и королева неоднократно встречались с гением лично – стоит ли говорить, в каком восторге от этих встреч был преклонявшийся перед монархией и лично весьма симпатизировавший королю Дали! Впоследствии, кстати, именно король Хуан-Карлос и королева София возглавили, по личной просьбе художника, «Фонд Галя-Сальвадор Дали» – организацию, которая по сей день управляет всем наследием художника.

Резюмируя, отметим: Мадрид победил. 20 сентября 1982 года, находясь в Пуболе, в замке покойной Галя, Сальвадор Дали подписал новое завещание, согласно которому оставлял все свое имущество испанскому государству «с настоятельной просьбой беречь, защищать и пропагандировать его творчество».

23 декабря 1983 года в присутствии того же нотариуса, который заверил подпись Дали на его новом завещании, был учрежден уже упомянутый нами Фонд Галя-Сальвадор Дали – частный институт, возглавленный королями.

Этому Фонду Дали придавал крайне важное значение. «Сейчас я мечтаю воплотить в жизнь высшее из моих желаний, основав Фонд, чье влияние выйдет за пределы Отечества. Фонд должен стать основой непрерывного притока культурных ценностей, честно я с любовью в сердце желаю Испании, Каталонии, Ампурдану и моему дорогому Фигерасу».

А затем для Сальвадора Дали наступило тяжкое время умершего духа и упорно продолжающего цепляться за жизнь тела. Король Хуан Карлос и королева София, надо признать, не оставляли его своим вниманием, навестив, например, художника в Барселонской клинике «Кирон» куда окончательно одряхлевшего Дали доставляли все чаще.

Наконец, наступил январь 1989 года. Дали умирал, но при его палате в Барселоне или в Фигерасе постоянно находился нотариус. Впоследствии тогдашний мэр Фигераса, Мария Лорка, пару раз со всей осторожностью намекал, что Мэтр в его присутствии не раз заговаривал о своем намерении внести кое-какие изменения в завещание 1982 года. Не исключено, что художник имел в виду именно тот самый пункт, по которому ни Каталония, ни Барселона не фигурировали в завещании ни единым словом.

Так или иначе, говорить об этом сейчас бессмысленно, поскольку изменения эти так и не были сделаны. Возможно, находившийся в предсмертном состоянии Дали попросту забыл о своем намерении или не имел сил довести его до конца. В 10—15 утра, в понедельник, 23 января 1989 года величайший из творцов 20-го века испустил дух.

Причина смерти, в соответствии с официальным заключением – «сердечная недостаточность, осложненная пневмонией, необратимо прогрессирующей в тяжелую форму респираторной недостаточности, и приведшая к остановке сердца.»

Вечером 26 января художника отпели в церкви Святого Петра, расположенной прямо напротив музея – именно здесь на девятый день после рождения малютка Сальвадор был когда-то крещен.

Проститься с великим сюрреалистом пришли 15 000 человек. А уже 30 января разразился скандал. Согласно испанским законам, последняя воля усопшего может быть обнародована не раньше, чем через две недели после смерти, но пресса не дремала – и утренний номер популярного еженедельника «Cambio 16» вышел с гигантским заголовком: «Дали лишает Каталонию наследства». В этом же номере содержались убийственный для каталонцев детали завещания, в котором недвусмысленно и однозначно утверждался тотальный приоритет Мадрида.

Верный себе, Дали и после своей смерти продолжал заниматься скандалами и провокациями. Такими уязвленными каталонцы не чувствовали себя давно. Им, при сложившейся ситуации, пришлось быть благодарными центру уже за то, что тот вообще не перенес театр-музей уроженца Фигераса куда-нибудь поближе к Мадриду, а то и в саму столицу Испании – можно ли представить большее унижение!?

Собственно, и сейчас самый популярный музей Каталонии каталонским не является, целиком зависит от Мадрида и, случись между Каталонией и Испанией окончательный раскол, наследие Сальвадора Дали будет первым, что Мадрид на законных основаниях затребует себе. Так что основания обижаться на последнюю волю Дали у Каталонии, и, тем более, у ее амбициозной столицы есть – и основания веские.

Отзвуки этой обиды слышны и по сей день, и, кажется мне, будут звучать вечно – теперь, я думаю, понятно, почему в каталонской столице нет и, скорее всего, никогда не будет улицы или площади, посвященной Сальвадору Дали.

Попутно замечу: говорить о политических симпатиях Дали – дело довольно неблагодарное, учитывая, сколько раз за жизнь он менял их самым радикальным образом. Когда прежние политические кумиры по тем или иным практическим причинам переставали устраивать Маэстро, он тут же выбрасывал их, как изношенные перчатки, и мгновенно покупал пару новых. По этой причине горячо почитаемый художником Владимир Ильич Ленин (было время, художник даже числил вождя мирового пролетариата в своих отцах) наверняка окрестил бы Сальвадора Дали «политической проституткой» – и оказался бы недалек от истины. И тем не менее: в годы диктатуры Франко Сальвадор Дали был самым ярким поклонником каудильо.

Самая дорогая картина Сальвадора Дали

«Христос Святого Иоанна Креста» (1952)

Машина, поворчав и побурчав на городских светофорах, добирается, наконец, до платного хайвея, по которому ей предстоит промчать сто сорок километров – почти до французской границы, совсем рядом с которой и расположен Фигерас.

О чем чаще всего беседуем мы с туристами в эти пролетающие совершенно незаметно час с небольшим? Конечно же, если люди совсем, что называется, «не в теме», я освещаю ключевые вехи «жизненного и творческого пути» Маэстро Дали – но это случается все реже. Общий культурный уровень наших туристов за последние лет десять сильно вырос. Практически все о Сальвадоре Дали кое-что слышали, кое-что посещали, что-то смотрели или читали. Многие из этих всех и вообще неплохо подкованы в теме экскурсии – что безусловно радует. Для экскурсовода это всегда огромный плюс: не приходится тратить так быстро убегающее время экскурсии на прописные истины, и можно побеседовать о более интересных вещах.

Какие вопросы чаще всего приходится слышать мне от от туристов? Самые разные, однако есть среди них и те, которые с абсолютной неизбежностью задаются из раз в раз – это правило, не знающее исключений. Например: какая из картин Дали является самой дорогой?

Я рассказываю, предварительно оговорившись, что некоторые из картин мы вообще должны исключить изх этого списка, потому что они – бесценны. Никто не знает и вряд ли когда-либо узнает цену картины «Постоянство памяти», например – потому что, уверен, никогда и ни при каких обстоятельствах Музей современного искусства в Нью-Йорке, в экспозиции которого она находится, не станет ее продавать.

А вот из тех вещей каталонского художника, которые все-таки были куплены-проданы, или за которые предлагались конкретные суммы денег, в первую очередь следует упомянуть одну из наиболее любимых мною картин Маэстро: «Христос Святого Иоанна Креста» (1951).

На сегодняшний день самая большая сумма, которая когда-либо предлагалась за картину Сальвадора Дали – 127 000 000 (сто двадцать семь миллионов) долларов США. Именно такие, не побоюсь этого слова, деньжищи было готово заплатить Правительство Испании за картину «Христос Святого Иоанна Креста», которая экспонируется в музее Кельвингроув (Глазго, Шотландия).

В результате опроса 2006-го года 29% шотландцев назвали это полотно своим любимым – а ведь когда-то галерею жесточайшим образом раскритиковали за то, что она потратила на покупку этой работы Дали целых 8 200 фунтов стерлингов! Критики той поры оценили труд художника скорее негативно, назвав картину «банальной и традиционной» – однако время показало, как сильно они ошибались.

Картина эта (которую многим из вас наверняка знакома) так хороша, что заслуживает чуть более длинного рассказа. «Христос Святого Иоанна Креста» был написан в самом разгаре ядерно-мистического периода Дали (масло, холст), и имеет размеры 205 x 116 см – еще не монументальные полотна последующих лет, но уже и не миниатюры 30-хх.

В это время (начало 50-хх) Дали и вообще создает много полотен на религиозные темы – в полном соответствии с политикой франкистской Испании, где католические ценности, жестоко уничтожавшиеся в годы Гражданской войны республиканцами, снова были вознесены на щит и стали идеологическим инструментом диктатуры.

Дали, большой поклонник диктатора Франко, которого он сравнивал ни больше, ни меньше, как со своим обожаемым Веласкесом – уже не тот юный и нищий ниспровергатель и революционер, который призывал сжечь все церкви в Барселоне.

Времена пронизанного духом анархии «Желтого манифеста» давно прошли – в 1951 г., в полном противоречии со своими же прежними заявлениями, художник публикует «Мистический манифест» (совсем не случайное сходство названий), в котором со свойственным ему азартом набрасывается на все современное искусство, обвиняя его в непрофессионализме,

лености и атеизме, а себя провозглашает никем иным, как спасителем этого самого искусства (по-испански «Сальвадор» как раз и означает «спаситель»).

В это время художник, по его собственным словам, пытается совместить испанский религиозный мистицизм с новейшими достижениями современной науки, прежде всего – ядерной физики. Но вернемся к картине и дадим высказаться о ней самому Дали:

«... В первую очередь, в 1950 году, я увидел «космический сон», в котором мне предстала эта картина в цвете и которая в моём сне являлась «ядром атома». Это ядро затем приобрело метафизический смысл, и я рассматривал это как основную составляющую Вселенной – Христа!»

Во вторых, когда благодаря указаниям Отца Бруно, кармелита, я увидел рисунок Христа, нарисованного Святым Иоанном Креста, я разработал геометрические треугольник и круг, в которых «эстетически» кратко изложены все мои предыдущие опыты, и я вписал мой рисунок Христа в этот треугольник.

Первоначально я не хотел изображать все атрибуты распятия – гвозди, терновый венец, и т.д.– и превратить кровь в красные гвоздики в руках и ногах, с тремя цветами жасмина, опущенными в рану на боку. Но только до конца мое решение изменило второе видение, возможно, из-за испанской поговорки, которая гласит: «мало Христа, слишком много крови».

В этом втором сне я увидел картину без анекдотических атрибутов: только метафизическая красота Христа-Бога. ... Мои эстетические амбиции заключаются в том, что полотно противоположно всем изображениям Христа, выполненным современными художниками, которые применили экспрессионистскую манеру, вызывая эмоции через уродство. Моя главная задача заключается в изображении красоты Христа как Бога, в том, что Он олицетворяет...»

Два слова о Святом Иоанне Креста, коего ни в коем случае не следует путать с Иоанном-крестителем. Иоанн Креста – испанский святой, религиозный мистик, реформатор ордена кармелитов, живший в 16-м столетии, близко друживший с Терезой Авильской и наряду с ней исповедовавший возврат к фундаментальным апостольским ценностям: простоте, нестяжательству, аскетичности – всему тому, от чего Католическая Церковь в 16-ом столетии была, мягко говоря, бесконечно далека.

За свои религиозные убеждения будущий святой не раз подвергался судебным преследованиям, немало времени провел в тяжелых условиях в заключении, где создал настоящий шедевр религиозной поэзии – «Духовную песнь». Во время одного из экстатических, так свойственных Святому Иоанну (или, на испанский манер – Хуану) видений узрел он Иисуса Христа, нависающего над миром на распятии, и видение свое, как мог, попытался запечатлеть на бумаге.

Именно этот рисунок, показанный Сальвадору Дали отцом Бруно, монахом-кармелитом в 1950-ом году, и стал отправной точкой для написания картины. Святой Иоанн Креста изобразил распятого Иисуса в необычном ракурсе: как будто на смотрит сам Бог-Отец, сверху и справа – что самым очевидным образом повлияло и на сюжет картины Дали. Вот так один мистик протянул руку другому из 16-го века в 20-ый – и работа закипела.

Рисунок Святого Иоанна Креста

Как и большинство шедевров Дали, картина была написана в Порт-Льигате, где художник, вернувшись из США, обосновался окончательно. Дали работал над полотном почти два года, и результат этого кропотливого труда действительно потрясает.

Интересно, как трудился Дали над образом распятого Иисуса. К моменту написания полотна художник, как мы уже сказали, проживал в Испании, однако связи, которые он завёл в Голливуде, все-таки пригодились. По просьбе Дали Джек Уорнер (один из отцов-основателей Уорнер Бразерс) подыскал подходящего для картины натурщика – им оказался каскадер Рассел Сондерс – которого подвесили на балке под нужным Дали углом и сделали фотосессию. Эти фотографии были отосланы Дали в Испанию, где художник выполнил по фотографиям ряд графических эскизов, которые и легли в основу окончательного изображения распятого Христа.

Интересно, что вид самого креста и в особенности сложенная ткань в верхней его части недвусмысленно указывают на еще одно Таинство – Евхаристию, где крест Иисуса обращается в стол, на котором находится Пресуществившийся хлеб. Наличие двух перепектив позволяет нам взирать на Христа снизу, с уровня земли – и в то же время видеть его сверху, глазами самого Бога.

Что до пейзажа в нижней части картины с лодками и фигурами рыбаков, вызывающего ассоциации и с Галилейским морем, и с работами Диего Веласкеса – этот вид на бухту Порт-Льигате, где находится дом Дали и где художник и писал полотно.

А теперь сравним эту картинку с фотографией которую я сделал пару дней назад, во время экскурсии «Дом-музей Дали в Порт-Льигате, Кадакес и мыс Креус».

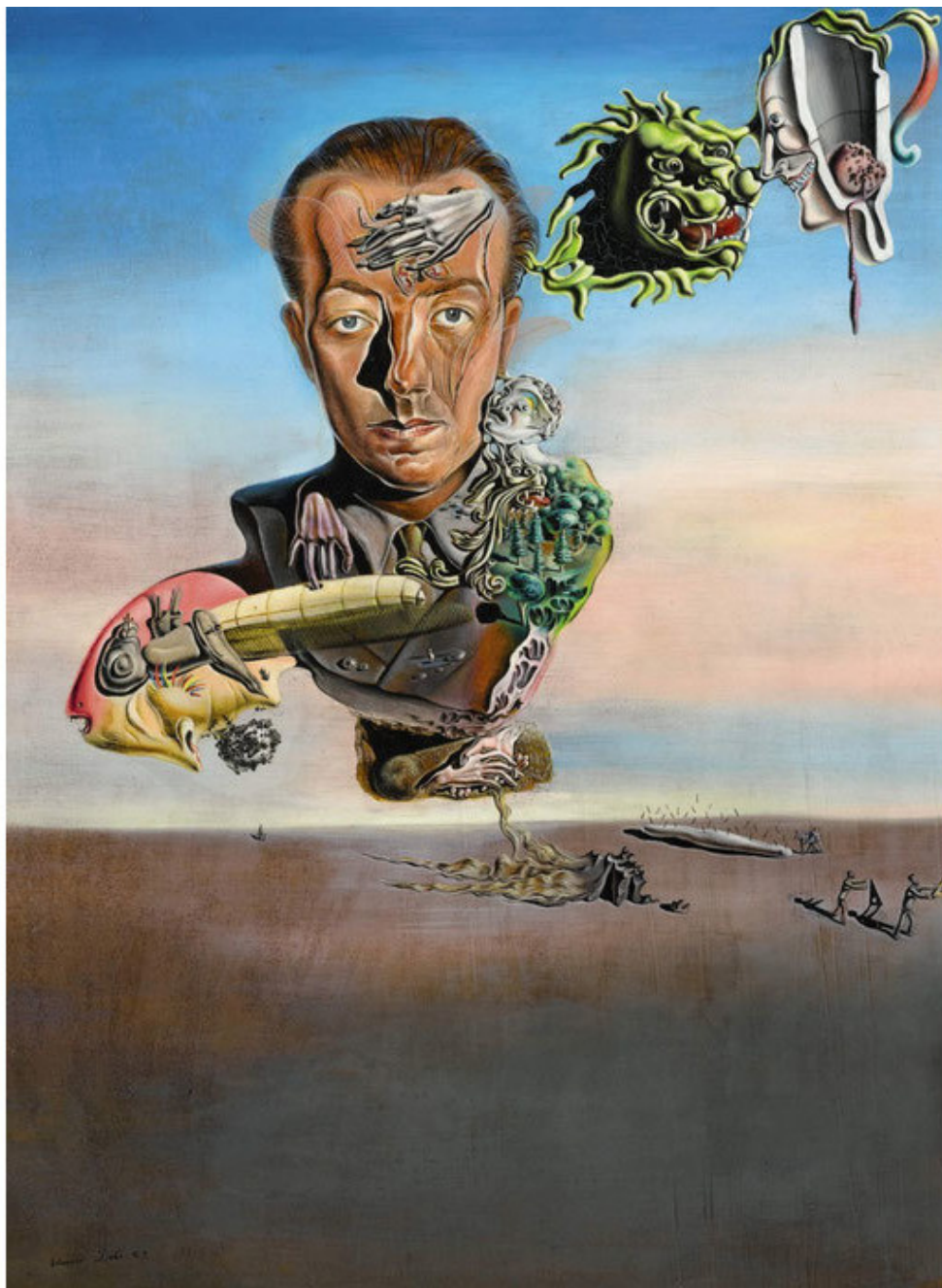
Как видим, Дали остается верен своему любимому Порт-Льигату, который с редкой неизменностью и большой любовью запечатлел в сотнях своих картин.

Разумеется, можно спорить, насколько искренен был Дали в своих декларативно-агрессивных проявлениях каталонизма – но даже если художник и лукавил, это несколько не умаляет художественной, эстетической, да и религиозной ценности самой картины. Огромный

талант надобен для того, чтобы писать пронизанные глубоким чувством Бога картины, оставаясь в глубине души атеистом – и Дали таким талантом безусловно обладал!

Но вернемся к началу статьи. Попытка Испанского государства в 2006-ом купить картину у шотландцев, увы, не увенчалась успехом. Гордые шотландцы, которые, как выяснилось, являются большими поклонниками творчества Дали, отвергли это щедрое предложение. Между тем, если бы сделка все же состоялась, «Христос Святого Иоанна Креста» стал бы самой дорогой работой Сальвадора Дали на сегодняшний день.

Портрет Поля Элюара

«Портрет Поля Элюара» (1929)

А вот из тех вещей Дали, что все-таки были проданы, безусловным лидером на сегодняшний день является «Портрет Поля Элюара», написанный в 1929-ом.

Поль Элюар – парижанин, поэт-сюрреалист, первый муж Елены Дьяконовой, более известной всему миру, как Гала. В 1929-ом совсем еще молодой тогда Сальвадор Дали пригласил в каталонский Кадакес провести пару летних недель группу новых парижских товарищей по Сюрреалистическому кружку, среди которых оказались Поль Элюар, Гала и их дочь Сесиль.

Приехали они вместе, а вот уехал Элюар один – ждали срочные дела в Париже. Гала с Сесиль задержались в Кадакесе еще на 6 недель, после которых Гала приняла твердое решение: к Полю она больше не вернется. Шаг, надо сказать, во всех отношениях безрассудный:

оставить мужа с деньгами и парижской пропиской ради никому на тот момент не известного, в буквальном смысле нищего и, к тому же, вопиюще провинциального Сальвадора. Дали в ту пору был «темной лошадкой», ставить на которую было весьма рискованным мероприятием.

Смелый шаг? Более чем. Но, как говорится – кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Гала рискнула, все поставив на карту – и выиграла. Потому, может быть, и выиграла, что сожжены были за спиной все мосты, и оставалось одно: победить или умереть. Гала победила. Ей суждено было стать настоящей Музой художника: именно с ее появлением Дали утроил усилия и вскоре стал выдавать настоящие шедевры на-гора. В лице Гала Сальвадор обрел мать, жену, сестру, любовницу, наставницу, сиделку, рекламного агента и, наконец, просто элегантную женщину, настоящую светскую львицу, каковой Гала оставался еще долгие годы и даже десятилетия...

Что примечательно, Дали работал над портретом Поля Элюара как раз в те августовские дни, когда всю флиртовал с его супругой, или, говоря прямо, пытался украсть у Поля жену. Еще более примечательно, что картину впоследствии приобрел всё тот же Элюар.

Сам Дали, со свойственной ему поэтичностью, высказался по этому поводу следующим образом: «Я чувствовал, что на меня возложена обязанность запечатлеть лик поэта, с Олимпа которого я похитил одну из муз».

Портрет Поля Элюара сложно назвать «портретом» в чистом виде – это, скорее, вполне сюжетное полотно, в котром, помимо Поля, присутствует и сам Сальвадор: в виде опущенной кверху спящей головы, которая, претерпев определенные трансформации, еще не раз будет появляться в работах Дали этого периода. О реально существующей скале, породившей этот вариант автопортрета, мы уже не раз писали (см. описание картины «Великий мастурбатор»).

Молодой Дали, стоящий на пороге великих перемен, у самого входа в иную – новую, взрослую и самостоятельную – жизнь, обаян бесконечными страхами, выражением которых в картине служат муравьи и саранча, также обреченные еще не раз «кочевать» из картины в картину. Интересно отметить, что брюшка саранчи, напоминающего вяловатый пеннис, касается пальчик явно женской руки.

Еще одна рука лежит на лбу Поля Элюара в явном жесте утешения – Дали наверняка знал, что уход Галы от Поля жестоко ранит последнего, и, надеялся, что Гала найдет способ несколько смягчить боль товарища.

Львиная голова, характерная для работ Дали этого периода, символизирует, по словам самого художника, и желание секса, и паническую боязнь его – Дали, как мы знаем, до встречи с Галой оставался девственником, по причине все того же страха «сплоховать, когда дойдет до дела».

Женская голова в виде кувшина, также часто появляющаяся на картинах 1929-1930-хх – символ вполне фрейдистский и тоже с глубоко сексуальным подтекстом: женщина-кувшин, сосуд, подлежащий наполнению – вероятно, той самой спермой, которую Дали, мастурбируя, расходовал, по его собственным словам, «впустую», за что испытывал после акта мастурбации чувство острого и жаркого стыда.

Удлиненный белый предмет с палочками-ворсинками над ним, впервые появившийся в картине «Мед слаще крови» – «бредовый образ», посетивший Дали, когда он, по собственным воспоминаниям, греб на лодке в Кадакесе в жаркий летний день. Образ этот породил в нем внезапную, сладко ноющую боль, непостижимым образом, как вспоминал сам Дали, связанную с картиной «Анжелюс» Жана-Франсуа Милле – еще одним фетишем художника, о котором мы обязательно будем беседовать ниже.

Еще один образ, который Дали будет воспроизводить на протяжении долгих лет – мужская фигура с ребенком у линии горизонта. Образ этот – один из самых невязчивых в творчестве художника – выражает предчувствие неизбежного разрыва с отцом, который решительно восстал против избранницы сына и любой ценой вознамерился не допустить этого союза.

Этого момента мы тоже коснемся еще не раз – здесь же ограничимся тем, что напомним: когда Дали отказался подчиниться воле отца, тот изгнал его из дома, а чуть позже лишил наследства. Разрыв художника с отцом был стремительным и продлился вплоть до смерти родителя. Не показывая вида, Сальвадор, тем не менее, глубоко переживал этот конфликт и думал о нем постоянно, подтверждением чему служит то и дела возникающая в его картинах печальная пара: мужчина и мальчик, которого он держит за руку – окруженные пронзительной пустотой.

Когда в 1952 году Поль Элюар умер, картина эта досталась в наследство дочери Элюара и Галы – Сесиль. В 2011-м году «Портрет Поля Элюара» был продан за греющую душу и веселящую карман сумму: 22.4 млн долларов.

Дали и Гала – встреча длиною в жизнь

Дали-Гала: 1929 – 1982

Разговор о том, как познакомились Сальвадор Дали и Гала, заходит на каждой нашей экскурсии в Театр-музей Дали в Фигерасе, что вполне ожидаемо: представить себе «Дали по отдельности», без накрепко сросшейся с ним в сиамского близнеца Галу – жену, Музу, «товарища по оружию», продюссера и казначея империи «Гала-Дали» – так же сложно, как вообразить страну, где политики не воруют и заботятся о благосостоянии граждан. То есть, это невозможно в принципе. Что до «той самой встречи» Сальвadora Дали и Галы, которой суждено было растянуться на полвека и оплодотворить мир искусства 20-го столетия великими свершениями и не менее грандиозными аферами и скандалами – она случилась всего в 35 км от Фигераса, куда мы направляемся: в рыбацком городке Кадакес, где родился когда-то дед Дали, старый Галь, и где у семейства впоследствии был загородный дом.

Встреча эта произошла в живописной, но отъявленной глуши, куда и сегодня не так просто попасть по причине крутого горного серпантина, не преодолев который, до Кадакеса не доберешься – разве что только вплавь. В те времена, когда встретились Дали и Гала (1929) Кадакес был неизмеримо большей глушью, чем сегодня: деревья тогда были выше, дороги – хуже, а машины – реже и медленнее.

– Но как ее, как ее-то туда занесло? – справедливо вопрошают туристы, зная о русском происхождении жены Сальвadora. Как уроженка города Казань оказалась на самой восточной оконечности Пиренейского полуострова?

– Да очень просто! – отвечаю я. Как всегда – исключительно дело случая! Случая, или, скорее, судьбы – потому что я не верю в случайность. Что же, в двух замысловатых кривых очертим траекторию жизненного пути Галы, чтобы привести казанскую девицу в ту самую точку, предначертанную небом, где ее уже ожидал Сальвадор Дали.

Итак, 26 августа 1894-го, в далекой Казани, в семье средней руки чиновника Ивана Дьяконова на свет появилась девочка, нареченная, прошу заметить, Еленой. Папа девочки, отличавшийся слабым здоровьем, не задержался на этом свете, а мать Антонина, будучи женщиной неунывающей и хваткой, вскоре каким-то образом смогла окрутить столичного адвоката Дмитрия Ильича Гомберга – «золотого еврея», который на Антонине женился и забрал всю семью к себе в Москву, где зарабатывал отличные деньги адвокатской практикой.

Кроме Леночки, в семье было еще трое детей – так что прошу оценить предприимчивость Антонины с одной стороны, и высокую порядочность, пожалуй, даже самоотверженность мос-

ковского юриста – с другой. Вероятно, и скорее всего, причиной всех этих довольно неправдоподобных и даже безрассудных поступков была любовь.

В Москве Леночка быстро сделалась любимицей Дмитрия Ильича – да и сама полюбила «нового папу». Полюбила настолько, что даже взяла себе его отчество: в документах в дальнейшем она всюду фигурирует не как «Ивановна», а как «Дмитриевна».

Здесь следует сделать маленькую оговорку: в последнее время все большую популярность набирает альтернативная версия, согласно которой все было не так. Дескать, мама Елены, вышеупомянутая Антонина, действительно была замужем за земским заседателем Иваном Дьяконовым, но крайне недолго. В возрасте 20 лет она оставила супруга и уехала в Москву, где познакомилась с Гомбергом (в то время – еще студентом) и в гражданском браке с ним родила четверых детей – Вадима, Елену (Галу), Николая и Лидию. Согласно этой версии, Елена является родной дочерью Гомберга, что сразу устраняет все нестыковки с отчеством. Однако считать эту версию стопроцентно точной также нельзя – посему можете взять на веру ту, которая вам более симпатична.

Так или иначе, Лена Дмитриевна проживала в Москве и училась не где-нибудь, а в хорошей частной гимназии Брюхоненко – в той самой, где маленькими крепкими зубами грызли гранит науки сестры Цветаевы, папа которых трудился там же преподавателем. Сестры Цветаевы – каково? Как говорят сегодня – уровень! Замечательную поэтессу знают все, а в одном классе с нашей Леной училась младшая сестра Марины – Анастасия.

Елена Дмитриевна Дьяконова в юные годы. Любознательна, стройна и интересна. Уже знает себе цену, но насчет точной суммы пока сомневается...

Выйдя из гимназии, Леночка окончила курсы гувернанток и начала уж было приискывать место, но в 1913-ом врачи заподозрили у ней чахотку (туберкулез), и заботливый отчим настоял, чтобы она прошла курс лечения на швейцарском горном курорте Клавадель.

В Клаваделе Лена познакомилась с носатым, как все французы, и утонченным, как лишь избранные представители этой нации, парижанином Эженом Гренделем – начинающим поэтом и будущим столпом сюрреализма.

Ксатати, именно Елена придумала сублильному французу более благозвучный и уж точно куда более подходящий для поэта псевдоним – Поль Элюар, под которым тот и обрел, в конце концов, известность, как стихотворец и видный участник сюрреалистического движения, возглавляемого Андре Бретоном.

В свою очередь, Эжен-Поль придумал для Елены имя-прозвище «Гала» (торжество, праздник – фр.), и, как выяснилось впоследствии, оплатил ей сторицей: именно под этим вымышленным именем она вошла в историю. Пройдя курс лечения, молодые люди, так и не павшие жертвой физической близости, разъехались по своим странам, но искра, что назы-

ваются, была заронена. Из искры этой суждено было возгореться пламени любви, для которой расстояния – не преграда.

Gala et Paul Eluard à Clavadel (Suisse, 1913)

Гала и Поль Элюар в Клаваделе (1913). «Любовь нечаянно нагрянет»...

После длительной переписки, в самый разгар Мировой войны, накануне грядущей в России великой смуты, Гала (отныне мы будем звать ее так) оставляет сумбурную родину и высаживается на перроне парижского вокзала, чтобы перестать, наконец, быть невестой и сделаться Элюару законной женой.

Вот так – стараюсь излагать предельно кратко. Гала, благодаря моим стараниям, оказалась в Париже максимально быстро. И, если вы обратили внимание, в космической скороговорке выше уже прозвучало ключевое слово: сюрреализм.

В сюрреалистический кружок входил и молодой Сальвадор Дали, введенный туда Жоаном Миро – еще одной всемирно известной звездой авангарда, «нашим человеком из Барселоны».

В августе 1929-го молодой Дали, бывавший в Париже лишь редкими и краткими наездами (иначе и не могло быть при его статусе недоучившегося студента и пока еще не продающегося художника), пригласил в каталонский Кадакес погостить Рене Магритта с женой, Камиля Гоэманса (с женой), а также Поль Элюара (с женой Галой и дочерью Сесиль).

Поль, Гала и Сесиль прибыли позже остальных. Все устали после длительной дороги на авто, и потому знакомство Дали с Гала (разумеется, он был наслышан о ней, но не знаком лично) вышло несколько скомканным. Она показалась ему интеллигентной, но утомленной и явно скучающей от того, что муж затащил ее «в такую дыру».

Дали показался ей «невыносимым типом» – возможно из-за черных лакированных волос, которые, как она чуть позже призналась, придавали молодому Дали вид «профессионального танцора аргентинского танго». Вечером того же дня они все же разговорились и нашли друг в друге больше положительных качеств, но...

Но настоящая «химия» – та самая магия Галы, о которой упоминали многие и которая действовала неотразимо – эта колдовская «химия», эти чары ведьмы по-настоящему завладели Сальвадором Дали только ночью.

На следующий день было договорено об общей встрече на пляже, и Дали проснулся еще затемно с четким пониманием того, что вчера случилось событие неизъяснимой важности: он познакомился с удивительной женщиной, о которой мечтал еще ребенком, женщиной, которую писал на своих полотнах, не зная, существует ли она на самом деле, или является лишь плодом его воображения – и вот, не далее, как вчера, он увел её, вымечтанную» и возлюбленную заранее, во плоти и крови.

Сложно представить себе более не подходящую друг другу пару! 25-летний художник-провинциал, почти не выезжавший за пределы Испании – и 35-летняя парижанка, объехавшая половину мира и привыкшая возвращаться в кругах выдающихся интеллектуалов и набитых деньгами меценатов, необходимых искусству, как воздух...

Девственник, испытывавший неодолимые проблемы в отношениях с женщинами, нехватку которых он компенсировал иступленной мастурбацией – и развратная, ненасытная до любовных удовольствий не менее, чем Полина Боргезе, познавшая все виды физической близости нимфоманка...

Нищий, живущий на средства отца художник, вынужденный довольствоваться малым – и привыкшая к известной роскоши женщина в свободном полете, не привыкшая слышать слово «нет».

Всё, решительно всё было против этого союза. Всё, если что-то и могло случиться, должно было закончиться краткой интрижкой, легким любовным приключением, еще одним скальпом на поясе вечной охотницы Галы – и все, в конце концов, вышло иначе.

Почему? Да потому что есть на свете чувство, которое одни проклинают, другие обожествляют – но и первые и вторые сходятся в том, что сила, которой это чувство обладает, исключительна и не знает преград. Да – я о любви.

В том, что Дали был охвачен именно любовью, свидетельствует его собственное описание этой судьбоносной встречи. В отличие от многих страниц «Тайной жизни Сальвадора Дали», написанной им самим и намеренно искажающей действительность, в правдивости именно этого эпизода не возникает ни малейших сомнений, да и воспоминания находившихся в то время рядом с ними людей однозначно свидетельствуют – да, все было именно так!

Вот что пишет Дали в «Тайной жизни» о своих приготовлениях перед встречей с Гала на пляже утром следующего дня:

«Я не мог оставаться перед своим мольбертом. Я примерил серьги сестры – ну уж нет, это украшение мало подходит для купания. И все же мне хотелось пококетничать с Элюаром. Почему бы не появиться голым и растрепанным? Ведь накануне они видели меня со слипшейся прической и таким же увидят вечером. Когда они придут, думал я, спуцусь с палитрой в руке, с колье на шее и растрепанным.

В сочетании с моей загорелой, как у араба, кожей, это произведет интересный эффект. Оставив наконец мольберт, я стал криво обрезать свою самую красивую рубашку, чтобы она была не ниже пупа. Надев ее, я рванул ткань и проделал большую дыру на плече, другую

на груди посредине, обнажив черные волосы, третью сторону, над коричневым соском. А ворот? Оставить его открытым или застегнуть? Ни то, ни другое. Вооружившись ножницами, я отрезал его совсем.

Оставалось решить последнюю задачу: плавки. Они казались мне слишком спортивными и не соответствовали наряду светского экзотического художника, который я смастерил. Я вывернул их на левую сторону, выставив на всеобщее обозрение грязную хлопковую изнанку в ржавых пятнах от окислившегося пояса. Чем еще развить тему сильно ограниченного купального костюма?

Это было только начало: я выбрил подмышки, но, поскольку не добился идеального голубого цвета, который видел у элегантных мадридских дам, взял немного бельевой синьки, смешал ее с пудрой и покрасил подмышки. Получилось очень красиво, но лишь до тех пор, пока от пота мой макияж не потек голубыми ручьями. Протерев подмышки, чтобы смыть подтеки, я увидел, что кожа покраснела. Это было не хуже голубизны, и я понял, что мне нужен красный цвет.

Бреясь минуту назад, я слегка порезался и справа появилось пятнышко засохшей крови. Я еще раз выбрился «Жиллетом» и вскоре мои подмышки были в крови, которую я не без кокетства размазал по телу. Теперь надо подождать, чтобы кровь подсохла. На коленях получилось так красиво, что я не удержался и еще немного изрезал там кожу. Какая работа! Но и это еще не все: за ухо я сунул цветок герани.

Теперь нужны духи. Одеколон неприятен. Что же? Сидя на табуретке, Сальвадор Дали глубоко задумался. Ах! Если бы он смог надушиться запахом козла, который каждое утро проходит под его окнами! Внимание: Дали внезапно вскочил, осененный гениальной идеей... Я нашел духи! Я включил паяльник, которым пользовался для гравюр, и сварил в воде рыбий клей. Сбежал на зады дома, где, я знал, стоят мешки козлиного помета, аромат которого до сих пор нравился мне лишь наполовину, взял горсть помета и бросил в кипящую воду. Потом размешал пинцетом. Теперь сперва шибануло рыбой, затем козой. Но немного терпения – микстура достигнет совершенства, когда я добавлю несколько капель лавандового масла. О чудо! Вот это точь-в-точь запах козла. Охладив его, я получил массу, которой намазал тело. Теперь я готов»...

Из этого описания замечательно видно, что Дали пропал, обезумел и готов на все, чтобы добиться расположения этой женщины из совершенно высших миров.

И ведь добился! Обаял, очаровал, сбил с ног – он, «деревенщина» и неотесанный провинциал-самородок! Абсолютно уверен: именно чистота и искренность чувства молодого Сальвадора пробудили и в изрядно окостеневшем сердце Гала ответную реакцию – ставшую открытой неожиданностью для нее самой.

А дальше – мы знаем, как бывает с этой любовью. Она напоминает горную реку, которая за полчаса из еле заметного ручейка превращается в ревущий поток, убийственно опасный для всякого, кто окажется на его пути. Дальше – сбило с ног, похватило и понесло. Понесло так, что уже к вечеру, наблюдая спятившего от нахлынувшего чувства Сальвадора у своих ног, она, по словам самого Дали, сказала ему:

– Мальчик мой – мы с вами никогда больше не расстанемся.

Этот момент, от которого за версту несет театральщиной – пожалуй единственный, где можно усомниться в правдивости слов Дали. Впрочем, так ведь и вышло! Совладать с собою Гала уже не могла и совершила один из самых безрассудных и бескорыстных поступков в своей жизни: променяла обеспеченный парижский быт на полную неизвестность и ожидаемую нищету.

Тем летом Гала и Элюар приехали в Кадакес вместе, а вот уехал Элюар один – ждали срочные дела в Париже. Гала задержалась в Кадакесе еще на 6 недель, за время которых чувства между ней и Дали определились окончательно – и Поль Элюар получил отставку.

Окончательное объяснение между Сальвадором и Галой состоялось в нескольких км от Кадакеса – на мысе Креус, стократно воспетом в работах Дали всех периодов. Надо сказать, крайняя робость Дали в вопросах секса так и не позволила ему сделаться ее любовником в то лето, перетекшее в осень. Вероятно, Гала неимоверно раздражалась, не понимая, почему Сальвадор бесконечно таскает ее по совершенно безлюдным скалам мыса Креус – но до «логического финала» довести отношения все никак не может.

Никаких замечаний Галы на этот счет не сохранилось – однако, похоже, дело обстояло именно так. В «Тайной жизни» Дали в высшей степени эмоционально описывает решающую любовную сцену, разыгравшуюся между ними «в одном из самых пустынных и диких мест Кадакеса». Когда их пылкие, но достаточно невинные, по причине страха и неопытности Сальвадора, игры разожгли, тем не менее, кровь в обоих, юный каталонец стал настойчиво приставать к Гале с вопросом: «Что, скажи, что мне сделать с тобой?» На это Гала почто простонала: «Убей меня!» Дали отреагировал на ее слова самым нелепым образом: он слегка придушил Галу (довольно, впрочем, вяло) – на том всё и закончилось.

Будь Дали поопытней в любовных делах и владей он французским сленгом, он понял бы, что «убей» в данном случае означало «затрахай меня до смерти». Так, во всяком случае, ее понял бы любой француз. Дали, однако, не был искушен в любви (он оставался на тот момент убежденным девственником) и не разбирался в тонкостях французского языка – и потому коитус был отложен на несколько месяцев.

Впрочем, все это сущие мелочи. Важно другое: после этой сцены оба знали наверняка, что между ними всё серьезно – гораздо серьезнее, чем предполагалось вначале. Именно тогда, думается, Гала сделала окончательный выбор в пользу Сальвадора.

Это один из немногих искренних поступков эгоистичной, холодной, корыстолюбивой, расчетливой, а впоследствии и откровенно жадной женщины – и тем он особенно ценен. Легко добиться праведности от праведника, и совсем не то – от закоренелого грешника! Гала поступила совершенно несвойственным ей образом: как будто под мертвым мрамором проступило вдруг живое человеческое лицо – чтобы вскоре скрыться обратно.

На восьмом десятке лет Гала была очень зависима от азартных игр. Но самую отчаянную и решительную ставку в своей жизни она сделала почти полвека назад, поставив все на странного талантливом паренька с лакированными волосами, напоминавшего ей танцора аргентинского танго – и взяла весь банк.

Самая популярная работа Дали

Сальвадор Дали – автор логотипа Чупа-Чупс

Ну, с самой дорогой работой Дали, полагаю, разобрались. А что касается самой популярной – а туристы в неизбежном порядке спрашивают и об этом – здесь многих, уверен, ожидает сюрприз: самой популярной работой Сальвадора Дали является не что иное, как логотип Чупа-Чупс!

Популярнейшая карамель Чупа Чупс и самый эпатажный художник 20-го столетия Сальвадор Дали – что, казалось бы, общего может быть между двумя столь разнородными сущностями? Ответ напрашивается сам собой: ничего – и ответ этот в корне неправильный. Сальвадор Дали и Чупа Чупс связаны между собой прочнейшими узлами – о чем мы сегодня и поговорим.

Для начала спою дифирамбы карамели Chupa Chups, а затем займемся людьми. Известно ли вам, что на российский рынок этот симпатичный яркий шарик на палочке пришел в 1989, а всего лишь два года спустя в Санкт-Петербурге открылась фабрика по производству карамели, внезапно и сильно полюбившейся россиянам?

Полюбившейся настолько, что в 1997 в Москву прибыл король Испании Хуан Карлос Первый, чтобы торжественно отметить продажу миллиардного чупа-чупса на территории Российской Федерации. Миллиардного, Карл! Только вдумайтесь в эту цифру! Вот вам и испанская карамель! Впрочем, возможно, загадочная русская душа, взращенная на леденцовых петушках (тоже, прошу отметить, на палочке) подспудно отметила несомненное конструктивное родство между испанской и русской сладостями – что не могло не сказаться на продажах.

Кстати, в 1995 российские космонавты доставили чупа-чупс на орбитальную станцию «Мир», так что он стал первым представителем карамельного мира, побывавшим в космосе!

Помимо России – главного зарубежного рынка сбыта – и собственно Испании, Чупа-Чупс продается еще в 108 странах, продукцию бренда в разное время рекламировали такие небезызвестные личности, как Харрисон Форд, Джорджио Армани, Мэрайя Кэри, Ривальдо, девочки из Спайс Герлз – но вернемся же к предмету нашего разговора!

Основатель бренда – барселонский кондитер в третьем поколении по имени Энрик Бернат. Именно благодаря этому молодому предприимчивому человеку в 1958 первый чупа-чупс увидел свет – правда, назывался он тогда просто «чупс» и имел другой логотип. Тем не менее, дела компании шли успешно, и десятилетием позже наступил, наконец, момент, выходить на общемировые просторы.

Вот тогда-то, в 1969-ом, Энрик Бернат совершил самый, может быть, правильный шаг за все время существования бренда: вышел на связь с еще одним каталонцем и, как минимум, наполовину (по материнской линии) барселонцем Сальвадором Дали, и посулил ему весьма заманчивый гонорар, если Дали согласится стать автором нового логотипа компании.

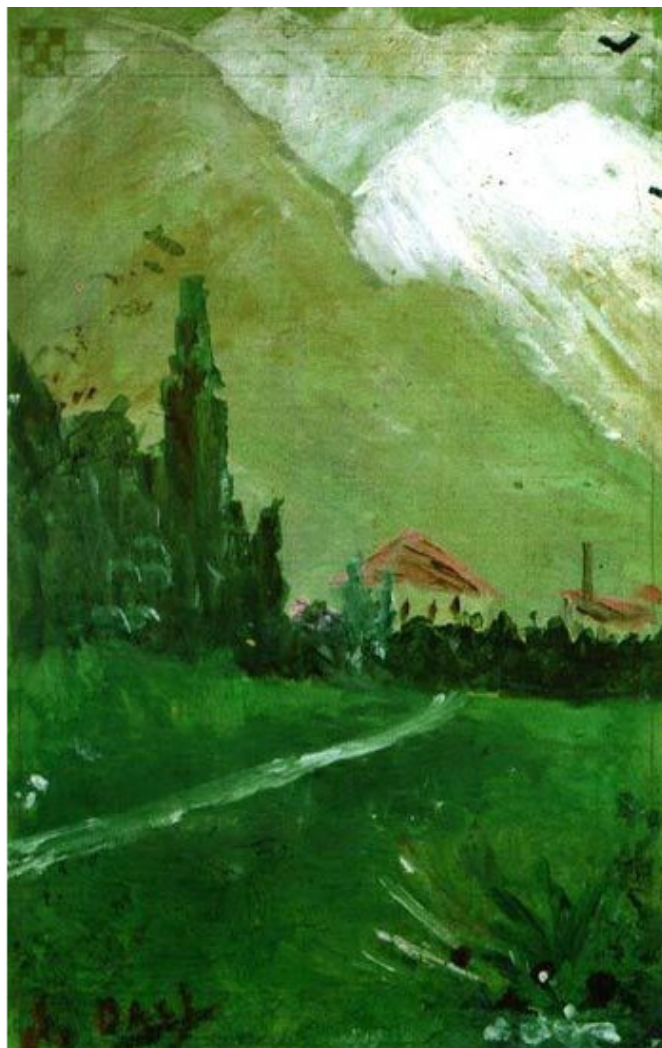
Услышав сумму гонорара с весьма приличным количеством нолей, Дали, разумеется, согласился – причем, мгновенно. А Бернат тут же прыгнул в машину и не поленился проехать почти две сотни км, на самый край Каталонии – в Порт-Льигат, где жил Дали. Вот это настоящая каталонская хватка – куй железо, пока горячо!

Как гласит корпоративное предание, все сладилось в течение часа. Дали, со свойственным ему рвением, подогретым, к тому же, обещанной ему крупной суммой набросился на поставленную задачу, как голодный лев на дичь – и через час все было готово! Едва ли не на обрывке газеты, Дали, перепробовав несколько вариантов, выдал тот вариант лого, который известен сегодня всему миру, претерпев за десятилетия лишь мелкие косметические изменения.

Во-первых, Дали решительно отверг черный цвет, присутствовавший в старом логотипе, сохранив лишь красный и желтый – поступок истинного патриота, если учесть, что это цвета как каталонского, так и испанского флагов. Во-вторых, он поместил надпись внутрь того самого цветка маргаритки, который, благодаря чупа-чупсу, известен сегодня каждому жителю планеты земля. И, в-третьих, он разместил переосмысленный и, можно сказать, созданный им заново логотип не сбоку, а наверху обертки. Талант – он и а Африке талант, а уж в Каталонии – тем более!

Таким образом, можно с полным основанием утверждать: произведение Сальвадора Дали, вышедшее самым большим тиражом – это не что иное, как всем нам хорошо известный логотип компании Чупа-Чупс!

Самая первая картина Дали

«Пейзаж близ Фигераса» (1910)

«Пейзаж близ Фигераса» – первая из дошедших до нас картин Сальвадора Дали. Отмечу: на каждой из экскурсий в Театр-музей Дали в Фигерасе этот вопрос возникает с редкой неизменностью: когда же будущий гений сюрреализма и самый известный провокатор от искусства 20-го столетия Сальвадор Дали впервые взял в руки краски и кисть?

Всеми миру хорошо известны такие зрелые шедевры каталонского художника, как «Постоянство памяти», «Искушение Святого Антония», «Девушка у окна», «Жираф в огне», Великий мастурбатор» – но когда-то ведь все только начиналось...

В какой-то из славных моментов бытия уроженец провинциального каталонского Фигераса Сальвадор Фелипе Хасинто Доменеч впервые решил нарисовать не просто улыбчивую рожицу с ручками и ножками, чем грешат абсолютно все дети планеты Земля – но подойти к вопросу изобразительного творчества более основательно.

Есть все основания полагать, что это случилось в 1910-ом году, когда Дали было всего шесть лет. Именно тогда симпатичный улыбчивый малыш решил зафиксировать окружающий мир через призму собственного восприятия, воспользовавшись для этого приемами импрессионистов.

Принято считать, что самой первой дошедшей до нас картиной Сальвадора Дали является «Пейзаж близ Фигераса» (1910). Картина написана масляными красками на картоне, который является собой не что иное, как простую почтовую открытку.

И это, прошу отметить, уже не откровенно беспомощная мазня шестилетнего, не знающего, чем себя занять, карапуза. Это действительно пейзаж, причем, как мы уже сказали, «Пейзаж близ Фигераса» недвусмысленно демонстрирует отчетливую тягу малютки Дали к импрессионизму.

Тяга эта не случайна. Одним из хороших знакомых отца начинающего гения был каталонский художник-импрессионист Рамон Пичот, происходивший из состоятельной творческой семьи. В имении Пичотов «Моли де ла Торре» неподалеку от Фигераса маленький Сальвадор всегда был желанным гостем.

Скорее всего, именно во время одного из летних визитов в имение Пичотов, наблюдая, как работает Рамон (действительно талантливый живописец, водивший близкую дружбу с Пабло Пикассо) – малыш и проникся магией творящегося у него на глазах искусства, заразившись, таким образом, любовью к живописи до конца своих дней.

В своей псевдоавтобиографической «Тайной жизни» Дали замечательно описывает, какой сильнейший эффект когда-то произвели на него старые полотна Пичота, выполненные в жанре импрессионизма и, в особенности, пуантилизма.

На картине (так и хочется сказать – картинке, учитывая ее размер: 9 x 14 см) маленький Дали изобразил проселочную дорогу, бегущую сквозь изумрудно-зеленое поле; кипарисы, которые позже прочно пропишутся в наборе его излюбленных образов; черепичные крыши домов – и вздымающееся в самое небо Пиренейские горы, у подножия которых, собственно, и расположен Фигерас.

Один из пиков покрыт снегом – можно не сомневаться, что это принадлежавшая ранее Каталонии, а сейчас расположенная на территории Франции гора Каниго, одна из великих религиозных и духовных святынь Каталонии. Пик Каниго имеет приличную высоту (2874 м) и потому снег остается на ней очень долго. В ясную погоду Каниго можно разглядеть уже на подъезде к Фигерасу, и, если я не заболтаюсь по теме экскурсии окончательно, я всем рекомендую полюбоваться ею.

Кстати, именно Рамон Пичот, сходу подметивший врожденные способности Сальвадора к живописи, настоятельно посоветовал отцу Дали поощрять и развивать это увлечение малыша. Впоследствии Дали, которого часто и не всегда обосновательно упрекают в неблагодарности и «короткой» памяти, вовсе не забыл, кто сыграл важную роль в его судьбе. В начале 70-х занявшись созданием своего Театра-музея в Фигерасе, Дали сходу, еще до открытия, предложил место директора музея молодому Антони Пичоту – племяннику Рамона.

Интересно, что Дали до того и видел-то Антони всего пару раз – но в выборе своем не колебался ни секунды. В Каталонии всё решают связи. Антой был племянником Рамона Пичота – и этим всё сказано! Впоследствии Дали пошел еще дальше, выделив для работ Антони, который, можно не сомневаться, тоже был художником, целый этаж Театра-музея. Это вызвало жуткую бурю негодования у гораздо более маститых местных художников, что доставило Дали, известному любителю «троллинга, бездну дополнительных приятных ощущений.

Справедливости ради следует отметить: Антони Пичот был не только замечательным директором Театра-музея Дали (он умер относительно недавно, в 2015-ом), но и доверенным лицом Сальвадора Дали, а после смерти Галы в самые тяжелые и одинокие для Дали годы, Пичот однозначно стал самым близким ему человеком.

Кстати, самостоятельные туристы, штурмующие Театр-музей Дали, даже не догадываются, что один из этажей музея, на котором представлены многочисленные картины с изоб-

ражением «каких-то камней» – это вовсе не какой-нибудь «каменный период» самого Дали, но работы Антони Пичота.

Очень скромная табличка по размерам табличка у входа, повествующая об этом, в большинстве случаев остается незамеченной, и любители творчества Дали задумчиво бродят среди бесконечных нагромождений камня (Пичот рисовал исключительно и только камни), сохраняя глубокомысленное молчание и поражаясь фанатичной приверженности Дали к камням.

Да, Дали обожал каменные образования мыса Креус, вдохновившие его на множество замечательных образов (об этом мы не раз будем беседовать в ходе дальнейшей экскурсии), однако теперь вы знаете, что работы «каменного этажа» Театра-музея выполнены не Дали, а Пичотом. Кроме того, я не раз видел Антонио Пичота лично, и не раз слышал, с какой трогательной любовью он вспоминал о Маэстро Дали, которого, это очевидно, просто боготворил. За одно это можно стерпеть любые «камни» – тем более, талантливо написанные, что отмечалось самим Сальвадором Дали.

Но вернемся к первой картине Сальвадора Дали. Когда-то она принадлежала Полю Элю-ару (первому мужу Галы), после находилась в коллекции Альберта Филда (Нью-Йорк), а в наши дни украшает собой экспозицию прекрасного музея Сальвадора Дали в городе Сент-Питерсберг в штате Флорида.

Дали и Хачатурян – а был ли танец с саблями?

Дали и Хачатурян – а был ли «танец с саблями»?

Одна из самых частых просьб, которые слышишь от туристов во время экскурсий по музеям Сальвадора Дали – рассказать о знаменитой встрече эпатажного каталонского художника с еще одной «звездой» мира искусства, правда, в музыкальной сфере: Арама Ильича Хачатуряна, взлетевшего на пик всепланетной популярности благодаря своему исключительному «Танцу с саблями». Конечно же, я рассказываю. Попутно отмечу: всегда и при любом уровне продвинутости наших туристов в «далиеведении», встреча Арама Хачатуряна с Сальвадором Дали будет затронута в любом случае. При этом ни единого раза не доводилось мне слышать, чтобы кто-то из туристов усомнился в том, что встреча эта была на самом деле. Да и как ей не быть, если выдумать такое совершенно невозможно?

Одним словом, этот эпизод из непостижимой жизни Дали – безусловный хит номер один, ушедший в народ с легкой руки Михаила Иосифовича Веллера, опубликовавшего в свое время рассказ «Танец с саблями». Конечно же, я рассказываю – если просят. Замечательно изложенная Веллером история мне самому, если на то пошло, глубоко симпатична – потому вкратце передам ее содержание здесь.

Арам Хачатурян, вознесенный в зенит всемирной славы своим неподражаемым «Танцем с саблями», в ходе активных зарубежных гастролей добрался, наконец, и до Испании, где его принимали по высшему разряду, на лету, что называется, ловя каждый вздох, жест и пожелание великого армянского композитора.

Ничего большего, что называется, и желать было нельзя, однако имелась у Хачатуряна давняя заветная мечта: встретиться со знаменитым испанским художником Сальвадором Дали.

Несколько смущаясь, это просьбу Арам Ильич принимающей стороне и озвучил – однако смущался он, как выяснилось, совершенно напрасно. К удивлению композитора, все устроилось мгновенно и самым наилучшим образом. Находившийся в тот момент в США Дали, узнав о просьбе обожаемого им Хачатуряна, согласился ради этой встречи мгновенно бросить все дела и спешно вылететь на историческую родину.

Уже на следующий день донельзя взволнованного предстоящим рандеву Арама Ильича подвезли к воротам, как сообщает Веллер, «белокаменного мавританского замка Дали, с башенками, шпилями, зубцами и флажками», препроводили со всеми положенным почестями в знатные интерьеры и оставили в роскошном аудиенц-зале, объяснив из какой именно двери аккурат в два часа пополудни появится сам Дали.

Хачатурян, в ожидании «Божественного» (так без ложной скромности, предпочитал называть себя Дали), восседал на поистине царской софе и помаленьку изучал обстановку, отметив при этом и окружающую его повсеместно роскошь, и специально накрытый столик с фруктами, винами и коньяками – чтобы, значит, не пришлось скучать в ожидании.

Между тем, часы бьют два, а Дали так и не явился. Хачатурян, за недолгое время пребывания в Испании успевший понять, что пунктуальность никак не входит в число достоинств испанской нации, сохраняет спокойствие и продолжает ждать. Половина третьего – Дали все нет.

Здесь Арам Ильич несколько обижается, раздражается – все-таки он не мальчик какой и в искусстве тоже кое-чего достиг! – и, дабы снять стресс, хлопает рюмку коньяку, запивая его вином и заедая экзотическими фруктами. Дело тем временем движется к трем – а Дали по-прежнему не идет! Ну, куда это годится? К моменту, когда часы бьют три, Арам Ильич окончательно насупился, осерчал и определился: нет – так нет! Дали, может, и известный художник, но и он, Хачатурян – не мальчик какой! Вежливость, опять же, тоже никто не отменял, и коли так – ноги его не будет в этом доме!

Раздраженный сверх меры, Хачатурян выпивает на посошок, поднимается и решительным шагом идет на выход – но не тут-то было! Дверь заперта наглухо, равно как и все прочие двери в этом огромном зале, и сколько Арам Ильич не грохочет в массивные дубовые створки, отбивая напрочь бесценные руки и ноги – результат ровным счетом нулевой: никто и не думает открывать.

В отчаянии великий композитор мечется по огромной зале, как загнанный зверь, присаживается на секунду у столика, чтобы залить беду алкоголем – и продолжает беспорядочные метания. Ситуация, прямо сказать, критическая: Дали не идет, двери замурованы, а часы неотвратно и мерно отбивают четверти, и каждый последующий их удар чуткому музыкальному уху Хачатуряна слышится все более зловещим.

Вдобавок ко всему, активные возлияния начинают проявлять себя естественным образом – Хачатуряну нужно в туалет, причем, безотлагательно – а возможности такой нет. Собрав в кулак всю свою недюжинную волю, Арам Ильич терпит до половины четвертого – Дали по-прежнему нет, двери заперты – а муки все сильнее!

В отчаянии великий композитор начинает озираться, подыскивая, куда бы справить малую нужду, и обнаруживает, что выбор небольшой: из условно подходящих емкостей в зале имеется лишь одна: старинная, с тонким мавританским узором ваза определенно музейного вида и явно огромной ценности.

Время меж тем, катится к четверем – крайний, обозначенный Хачатуряном срок – и под бой курантов, совершенно измученный и уже не владеющий собой Хачатурян с неземным наслаждением начинает изливать содержимое своего мочевого пузыря в коллекционную вазу...

И тут же, как по волшебству, распахивается дверь, из спрятанных в стенах динамиков гремит хачатуряновский «Танец с Саблями», под который в залу верхом на швабре влетает упоительно голый Дали, мчится через все помещение, яростно размахивая саблей над головой – и стремительно исчезает в предупредительно распахнувшейся двери напротив, которая тут же захлопывается.

Музыка умолкает, и тут же является камердинер, объявляет аудиенцию оконченной, вручает Хачатуряну редкий альбом репродукций Дали с памятной надписью самого каталонца и его лихим автографом – и препровождает Хачатуряна к автомобилю.

Оказывается, все это время коварный Дали наблюдал за страданиями Арама Ильича через потайное отверстие и, дождавшись апогея, сделал так, чтобы момент этот запомнился Хачатуряну на всю жизнь.

Тем же вечером изложение этой исторической встречи двух светил мирового искусства появляется, со всеми пикантными подробностями, на страницах центральных газет – и Хачатурян, внутренне матерясь и жестоко укоряя себя за эту нелепую идею: повидаться с непредсказуемым Дали, в сердцах покидает Испанию, дав себе слово никогда больше в эту страну не возвращаться – и слово свое он впоследствии сдержал.

Вот такая чудесная история, выдержанная абсолютно в духе всего того мифотворчества, которым окружал свою персону сам «король эпатажа» Дали. История, правдоподобная настолько, что кажется правдивее самой правды, и, ей-богу, если бы ее не существовало, ее обязательно следовало бы выдумать. А вот здесь мы и подступаем к моменту истины!

Помните, «всякая тайна особенно хороша, когда раскрыта?» Всякий раз, когда мы обсуждаем этот «казус Дали-Хачатуряна», частенько звучит один и тот же вопрос: «Скажите, а ведь это было на самом деле? Ведь было же, правда?» Некоторые, впрочем и не думают задавать его, и без того свято уверенные, что – было!

Однако профессия налагает свои обязанности. При всем предвзятом отношении к предмету экскурсовод никоим образом не должен исказить факты, а факты, как известно – вещь упрямая. И факты свидетельствуют о том, что описанной в рассказе Веллера встречи Дали с Хачатуряном никогда не было и быть не могло.

И дело здесь не только в том, что никаких «мавританских замков» с башенками, зубцами и «мраморными аллеями» у Дали никогда и в помине не было, в чем легко убедиться, посетив все три музейных объекта Дали – это пустяки!

Это техническая неточность, которую легко объяснить незнанием предмета, и еще проще – авторским вымыслом, без которого литературное произведение вовсе невозможно.

Все проще. Хачатурян никогда не гастролировал по Испании – факт, который подтверждает и сын великого композитора, и директор дома-музея Арама Хачатуряна Армине Григорян, которая знает о жизни и творчестве музыканта больше, чем кто-либо другой. В свое время Армине даже обращалась в Театр-музей Дали с просьбой прояснить ситуацию по этому вопросу и поделиться архивными материалами относительно этой встречи – если таковые, конечно, имеются.

Ответ из Театр-музея был однозначным: вышеозначенной встречи не было, а стало быть, не существует и архивных материалов, ей посвященных.

И еще один наивесомейший аргумент: не могла встреча двух публичных персон планетарного масштаба не обрасти фотографиями и газетными статьями – имей она место на самом деле. Между тем, в архивах испанской, советской и любой другой прессы о ней не сыщешь ни одного, даже самого малого, свидетельства, что лишний раз доказывает, что встречи этой, увы, не было.

И, наконец, сам Михаил Веллер в интервью, видео которого каждый может без труда разыскать на просторах интернета, честно признается, что всю эту историю он выдумал он начала и до конца – с чем Михаила Иосифовича от всей души и поздравляем, ибо выдумка эта превосходна!

Правда, имеется в ней всего один, но существенный изъян, человеку знающему дающий сходу понять, что «инцидент с Хачатуряном» – вымысел. Дело в том, что Дали, сам богато и разносторонне одаренный, с большим и искренним уважением относился к другим талантливым людям – всегда и вне зависимости от внешних обстоятельств. Единственное исключе-

ние в этом смысле составляли современные ему (и еще живые) художники, но это-то как раз понятно: они являлись его прямыми соперниками, конкурентами, и, можно сказать, врагами – а на поле боя, как говорится, не до реверансов.

Однако во всех прочих случаях он умел ценить в людях талант, что подтверждает, например, в одном из интервью знаменитый шахматист Анатолий Карпов, которому довелось встретиться с Дали в 1979 г. в Нью-Йорке. По словам Карпова, невзирая на его «детский» на момент встречи с Дали возраст – всего 28 лет – «никакого высокомерия с его (Дали) стороны не исходило, общались на равных.»

И таких примеров можно привести немало – а уж в отношении человека, придумавшего, пусть и против своей воли, «Танец с саблями», Дали, думается, если бы встреча все же случилась, повел бы себя самым уважительным образом, да еще и сам был бы счастлив заиметь от Арама Ильича автограф!

Так что, «Платон мне друг, но истина дороже». Встречи Дали с Хачатуряном в действительности не было – однако расстраиваться по этому поводу уж точно не стоит! Ибо жизнь великого мистификатора и скандалиста Дали и без того полна невыдуманных историй, которые будут не хуже той, что придумал Веллер! И мы обязательно будем о них рассказывать.

Дочь Гала – Сесиль Элюар

Сесиль Элюар с Гала и Полем Элуаром

Каждый раз, без исключения, туристы просят меня рассказать о дочери – я имею в виду не дочь Сальвдора Дали, который, как известно, детьми отягощен не был, а дочь Гала. Все-таки до того, как сделаться спутницей жизни и музой каталонского художника, Гала более десяти лет прожила в замужестве с Полем Элюаром (наст. имя – Эжен Грендель), и, как известно, в браке этом родила своего единственного ребенка: дочь по имени Сесиль.

Все, что окружало эту удивительную женщину, уроженку Казани Елену Дьяконову, более известную, как Гала, вызывало и продолжает вызывать повышенный интерес у наших туристов, и Сесиль, ее родная дочь – не исключение. Однако насколько публичными персонами были Сальвадор Дали, Гала или Поль Элюар, отец Сесиль – настолько сама она всю свою жизнь всячески сторонилась известности.

Сесиль Элюар фактически не давала интервью, упоминания о ней в литературе очень немногочисленны, скупы по объему и редки. Да, пока были живы ее отец и мать, она изредка и вскользь, лишь вынужденно и очень отраженно, как далекая тень своих знаменитых родителей, возникала на общественном небосклоне, но после смерти Гала летом 1982-го года канула во тьму неизвестности окончательно.

Не сомневаюсь, в последние лет двадцать или двадцать пять все, или почти все, были абсолютно убеждены, что Сесиль Элюар тихо и мирно скончалась и давно пребывает в ином, лучшем из миров – однако на самом деле это совсем не соответствовало истине. «Пациент был скорее жив, чем мертв.» Рожденная в далеком 1918-ом, дочь Поля и Гала прожила, оказывается, очень долгую, длиною без малого в целый век, жизнь и умерла совсем недавно, 10 августа 2016 г., в Париже.

Этой статьей мы постараемся хоть немного нарушить информационный вакуум, окружавший и продолжающий окружать эту женщину – Сесиль Элюар. Итак, «дитя сюрреализма» – прозвище, данное ей, как нельзя более точно отражает атмосферу, в которой прошли детские годы Сесиль. Да, от самого рождения ее окружали выдающиеся художники, фотографы, писатели и поэты, чьи имена золотыми буквами будут вписаны в историю авангардного искусства 20-го столетия – что, впрочем, в силу возраста она вряд ли могла оценить по достоинству.

«Отец повсюду брал меня с собою и обожал показывать своим друзьям – что мне не очень-то нравилось. Все они казались мне слишком старыми, утомительными и скучными. Все, за исключением Пикассо. Тот водил меня на боксерские матчи, и, кроме того, я была

единственной, кому разрешилось приходить к нему в мастерскую на улице Грандс Августинс в Париже – без приглашения и когда мне вздумается».

«Скучные» друзья Поля Элюара – Луис Буньюэль, Ман Рэй, Макс Эрнст, Марсель Дюшан, Луи Арагон, Рене Магритт, то есть люди, которые во многом определили развитие всего авангардного искусства 20-го века – малышку Сесиль действительно обожали. Да и как могло быть иначе?

Так сложилось, она была первым ребенком, родившимся в этом славном сюрреалистическом братстве, с поистине революционным жаром ниспровергавшем все буржуазные ценности, в том числе и классический институт семьи – однако бессильном, к счастью, вытравить из своих адептов обычные человеческие чувства: такие, например, как любовь к детям.

Ман Рэй без конца фотографировал ее, Макс Эрнст и Пикассо с тем же увлечением рисовали Сесиль – более «звездное» детство, кажется, трудно себе и представить! Впрочем, сама Сесиль относилась к этому совершенно спокойно – так уж получилось, да и выбора ей, в конце концов, никто не предоставил.

«Звездной» болезнью ни тогда, ни после Сесиль, к чести ее, совершенно не страдала. «Моя жизнь? Моя жизнь была самой что ни есть обычной. Вот только окружение обычным назвать было нельзя, уж точно,» – любила уже в преклонные годы повторять она. Гораздо больше уже в детские годы Сесиль беспокоило то, чему впоследствии суждено было превратиться в главную трагедию ее жизни – полное отсутствие материнской любви.

Элюар и Гала познакомились в санатории в швейцарском местечке Клавадель, близ Давоса, где проходили курс лечения от туберкулеза. Им было «тридцать пять на двоих», как метко выразился в свое время Борис Гребенщиков, и оба влюбились друг в друга без памяти. Да и что может быть прекраснее первой любви? Как сказано в одном романе о Барселоне:

«...Эта самая „первая“ – до бессонницы и удушья; до внутренних бессильных слез от неумения прокричать о ней так, чтобы тебя услышала та, единственная и одна; до ежесекундной, ноющей сладко боли; до безумных и бесконечных качелей над пропастью: от полного неверия к робкой надежде и обратно – словом, самая обычная первая любовь сразила, словно слепо павший из космоса метеорит, маленького Пуйджа в четырнадцать лет...» – но вернемся к Гала и Полю.

Чувства эти сохранились и после того, когда курс лечения завершился, и влюбленным пришлось расстаться: Поль Элюар вернулся в Париж, Гала – в Москву. Расстояние не охладило накал чувств, а разразившаяся вскоре Первая Мировая Война только, кажется, ускорила решение к которому неизбежно шли оба: в этой жизни им суждено быть вместе. Так Гала, проехав на поездах половину континента, оказалась в Париже – призванный на военную службу Элюар не смог даже встретить ее, да и семья его поначалу приняла «эту непонятную россиянку» холодно.

В феврале 1917-го они поженились, и беременная к тому времени Гала отправилась в Нормандию, где у родителей Элюара имелся дом – подальше от подвергавшегося регулярным бомбардировкам Парижа. Именно там, 10 мая 1918-го г., и появилась на свет крошка Сесиль Элюар.

Часть, в которой служил ее отец, была расквартирована тогда в Леоне, и горячо ждавший рождения своего ребенка Поль не смог, к своему величайшему сожалению, присутствовать при ее рождении. Однако, узнав, что роды прошли успешно, он был на седьмом небе от счастья – он страстно хотел этого ребенка, и впоследствии отца и дочь связывали самые сильные чувства.

Чего, кстати, совершенно не скажешь о маме – Гала. Очевидно, роль матери не совсем входила в ее планы – вот почему на немногочисленных фотографиях той поры Гала выглядит скорее озадаченной, удивленной и недовольной, чем счастливой.

Вскоре выяснилось, что материнский инстинкт вовсе не фигурирует в числе достоинств Гала, которая проявляла к Сесиль удивительное равнодушие. Несомненно, она видела в дочери

прямую угрозу тому свободному и богемному образу жизни, который был принят в творческой среде и к которому она быстро и охотно привыкла.

Как вспоминала Сесиль, одно время они жили в небольшой деревушке Обонь, неподалеку от Парижа, и каждый раз, когда Поль Элюар уезжал на очередное собрание кружка сюрреалистов в столицу, Гала, вынужденная оставаться с дочерью дома, почти ненавидела ее за это.

«Поди погуляй в сад» – эту фразу в таких случаях Сесиль приходилось слышать от матери чаще всего. Гала была вне себя от досады – и чувства свои вымещала на дочери. Где-то там сиял тысячами огней обольстительный Париж, и утонченные интеллектуалы, одним из которых был ее муж, жарко спорили о судьбах мирового искусства – а она, Гала, привыкшая блистать и очаровывать – оказалась выброшенной на обочину этой яркой соблазнительной жизни. А все из-за нее – Сесиль!

И потому ребенок, инстинктивно тянувшийся к матери, голосом, в котором Гала даже не пыталась скрыть злобу, отправлялся в пресловутый сад – куда угодно, только бы с глаз долой! Этот «сад», где Сесиль вынужденно проводила долгие одинокие часы, она, в конце концов, просто возненавидела и запомнила на всю жизнь – он сделался для нее символом жестокой материнской нелюбви.

дочь гала сесиль элюар, экскурсии в музей дали, экскурсии по объектам дали

Кстати, именно в этом уютном домике в Обоне в течение года с четой Элюар и их дочерью проживал немецкий художник-сюрреалист Макс Эрнст, и с этим видным голубоглазым арийцем (к тому же, весьма талантливым художником) у Гала закрутился бурный, я бы сказал, испепеляющий роман – с которым Полю, дадаисту и сюрреалисту, активному стороннику свободной любви, оставалось только смириться.

«Шведская семья», «хозяйство на троих» – назвать такого рода отношения можно как угодно, но их сомнительной сути это не меняет.

Художник-гость, к которому Гала испытывала все большую страсть, расписал в доме фресками все стены и, в конце концов, выжил оттуда хозяина-поэта. В отчаянии, наевшийся сверх меры пресловутой «свободной любви» Поль пытался сбежать от жены и друга, с которым приходилось делить жену, в Азию – однако из бегства этого ничего не вышло.

К тому времени Гала сделалась его абсолютным наваждением, от которого он так и не смог избавиться до конца своих дней. Способствовали ли эти «африканские страсти» безоблачному детскому счастью Сесиль? Нет, и еще раз нет.

Впрочем, худшее еще ждало девочку впереди. В 1929-ом Гала и Дали впервые увидели друг друга – и после первой встречи уже не расставались.

До того у Сесиль все-таки была какая-никакая, пусть и не особенно любившая ее, мать. В новой жизни Гала места для Сесиль попросту не нашлось.

Конечно же, нужно принять во внимание крайне сложные финансовые обстоятельства, сопровождавшие начало совместной жизни Дали и Гала (был период, когда у них было ни гроша, равно как не имелось и крыши над головой), однако это не отменяет непреложного и жестокого факта: Гала, уйдя к новому спутнику жизни, решительно и даже, создается впечатление, с видимым облегчением навсегда вычеркнула родную дочь из жизни.

Не раз и не два я уже высказывал эту мысль, повторяю ее и сейчас: очевидно, отмеренных Гала Всевышним запасов душевного тепла хватало лишь на одного человека одновременно – и таким человеком сделался для нее 25-летний каталонский художник.

Точно такая же особенность была, кстати, присуща и Сальвадору Дали, и в этом он и Гала были похожи, как самые настоящие близнецы. Что до Поля Элюара – впавший в пожизненную зависимость от Гала, он страдал безмерно, не в силах поверить, что в этот раз Гала ушла от него навсегда. Он бесконечно писал ей полные тоски и эротики письма, тщетно надеясь, что наваждение в лице Дали не продлится долго.

Хватаясь за всякий шанс вернуть Гала, он пытался взывать к ее материнским чувствам: «Пиши почаще Сесиль, которая очень по тебе скучает. Я так сильно люблю ее, ведь у нее твои брови, твои глаза, потому что она твоя – и моя – дочь.»

Однако Гала не из тех, кого можно пронять сентиментальными вздохами. Страдающий и одинокий, Элюар подбирает на панели Нуш – бывшую танцовщицу, которая оказалась не в лучшей ситуации и на тот момент времени зарабатывала на жизнь проституцией.

Такая же ранимая и хрупкая, как и сам Поль, Нуш станет ему любовницей, а затем и женой, хотя в глубине души не без печали будет осознавать, что в сердце Элюара на первом месте всегда будет Гала.

По словам самой Сесиль, они с Нуш прекрасно ладили, хотя мать ей новая избранница Поля заменить так и не смогла. Да это и невозможно в принципе, ведь мать, по словам той же Сесиль, бывает только одна. Кстати, именно в этот период отношения между Сесиль и Пикассо были отмечены особой теплотой – даже в отпуска они выбирались одной компанией.

В 1938-ом, в возрасте 20 лет, Сесиль вышла замуж в первый раз – за поэта Люка Декана, брак с которым не продлился долго. В 1946-ом она снова сочеталась узами брака: на этот раз с художником Жераром Вуллени, а после бывала замужем еще дважды.

В 1948-м умерла Нуш, вторая супруга Элюара, что стало для него тяжелейшим ударом – и Сесиль, беременная в то время дочерью Клер, постоянно была в то время рядом с отцом.

Поль Элюар, успевший еще раз жениться на Доминик Лемор, умер четырьмя годами позже, а вот Гала – мать, которой у Сесиль никогда не было – пережила первого мужа на целых 30 лет и умерла 10 июня 1982-го, в возрасте 88 лет.

Со смертью Гала, похороненной в своем замке в Пуболь, связан и еще один печальный для Сесиль эпизод. Как мы уже сказали, никаких отношений с дочерью Гала не поддерживала, и о том, что мать ее находится при смерти, Сесиль узнала из газет.

Бросив все, она помчалась в возлюбленный и воспетый Дали Порт-Льигат, на самый что ни на есть средиземноморский край света, однако увидеть мать ей так и не довелось. Дверь открыла прислуга, заявившая, что Гала не желает видиться с дочерью.

Исходило ли это указание в тот момент от самой Гала, которая в последние недели находилась в практически бессознательном состоянии, либо таковы были инструкции, полученные служанкой загодя – неизвестно, но Сесиль, готовая простить свою сбежавшую однажды и навсегда мать, простить и примириться с ней, оказалась лишена даже этой возможности.

Кроме того, Гала ни словом, ни полсловом не упомянула Сесиль в своем завещании. Через два дня после смерти была обнародована последняя воля умершей, согласно которой знаменитая коллекция Гала переходила супругу, Сальвадору Дали, а после его смерти – театру-музею Дали в Фигерасе.

От себя отмечу, что коллекция эта, которую Гала собирала на протяжении всей жизни и которая на момент смерти владелицы хранилась в Женеве, вовсе не пустячок: она включала в себя 75 замечательных работ Сальвадора Дали, среди которых стоит упомянуть такие известные вещи, как «Великий мастурбатор» и «Загадка Гитлера»!

Возмущенная до глубины души этим финальным проявлением материнского равнодушия, Сесиль, по совету своего адвоката, заявила свои права на часть наследства матери – что на наш взгляд, более, чем справедливо.

Однако спор между Сесиль и Испанским правительством, представлявшим интересы Сальвадора Дали, удалось, в конце концов, уладить без судебных тяжб.

Между сторонами было достигнуто мировое соглашение, в соответствии с которым Сесиль получила две работы Де Кирико, одну гуашь Пабло Пикассо, и две картины Сальвадора Дали, одна из которых – знаменитый «Портрет Поля Элюара» (впоследствии Сесиль продала его за 22 с половиной миллиона долларов), над которым Дали работал как-раз в то для кого-

то роковое, а для кого-то счастливое лето 1929-го, в Кадакесе, одновременно воруя у Элюара жену, а у Сесиль – мать. Кроме того, ей достались 2,3 миллиона долларов и 50 миллионов песет.

Но снова, заметьте, снова мы говорим о чем угодно, но только не о самой Сесиль! Вот он, парадокс «дочери сюрреализма», возраставшей в окружении звезд необычайно ярких – но прожившей жизнь самую тихую и незаметную.

Жизнь, по своему определению сторонящуюся всякого шума, вспышек софитов и суеты. Почему? Да потому что главной страстью Сесиль были книги. Увлечение старинными и редкими книгами в конце концов переросло в профессиональную деятельность, которой, вплоть до самого удаления от дел, она занималась в Канне.

Что оставила после себя эта женщина, всю жизнь ощущавшая на себе холодный и подавляющий свет ее великой и недоступной матери? Троих детей, семерых внуков, трех правнуков...

Как сказано на официальной странице «Ассоциации друзей Поля Элюара», почетным президентом которого являлась Сесиль, «всю жизнь она честно и преданно служила своему любимому делу; любовь и щедрость были ее главными качествами, и свою страсть к искусству и литературе она передала своим детям...»

Сесиль умерла 10 августа 2016-го г., а тремя днями позже была похоронена на кладбище Пер-Лашез, рядом с отцом и его второй женой, Нуш.

Дали – художник трамонтаны

Дали – художник трамонтаны

Машина, между тем, мчит дальше. Когда на зеленом дорожном знаке появляется слово «Emporda», я неизменно сообщаю туристам:

– Вот, теперь мы в мире Дали. Надеюсь, сегодня нет трамонтаны. Хотя, исходя из темы экскурсии – лучше бы была. Ведь Дали называл себя художником трамонтаны!

– А что такое трамонтана? – обязательно спросит кто-то из туристов. Потому что словечко яркое, само по себе напоминающее бесконечный звон колокольчиков на сильном ветру, и, вроде бы, все его где-то уже слышали, вот только где и когда – вспомнить не могут.

Конечно же, я рассказываю. Об этом нельзя не знать – если хочешь понять, что же это такое – Сальвадор Дали.

Трамонтана – холодный и сухой северный ветер, зарождающийся на вершинах Пиренейских гор. Теплые воздушные массы с равнин поднимаются к заснеженным пикам Пиренеев, охлаждаются там и, используя спускающиеся к морю горные склоны в качестве идеальной площадки для разгона, устремляются вниз, к водам Средиземного моря, набирая пугающую скорость и мощь.

Ветер этот всегда дует с гор в направлении моря: собственно, и название его происходит от латинского «transmontanus» – «идуший сквозь горы».

Особенно злобная трамонтана задувает поздней осенью и зимой на севере Каталонии, в долине Ампурдан, из-за чего, по меткому определению каталонского поэта Жоана Марагалья, эта местность носит прозвище «Дворец Ветра».

Порывы трамонтаны достигают скорости 230 км в час, а то и более – известны случаи, когда по причине трамонтаны железнодорожные составы сходили с путей, а машины, словно игрушечные автомобильчики, сбрасывало с трасс. Но это, пожалуй, экстрим, который ни в коей мере не определяет истинной сути трамонтаны.

А суть эта в том, что, начавшись, трамонтана может дуть со средней скоростью в 90—130 км в час по 8—10 дней кряду, не стихая ни на минуту. Представьте, что ваш город поместили в аэродинамическую трубу, установили там попрочнее – и забыли на десяток дней. То, что в течение пяти минут может казаться необычным развлечением, быстро превращается в выматывающую, лишаящую сил и рассудка пытку.

Трамонтана сводит с ума. Неспроста в долине Ампурдан на преступления, совершенные на почве страсти, вплоть до самых серьезных, до конца 19-го века закон смотрел сквозь пальцы – если только преступление было совершено в период, когда дула трамонтана.

Крайне разрушительное воздействие трамонтаны на психику отмечают и современные ученые. Возможно, дело в порождаемых трамонтаной звуковых волнах определенной частоты, не слышных человеческому уху, но серьезнейшим образом нарушающих психический баланс человека.

Для людей, склонных к депрессиям, этот ветер – настоящее бедствие, которое далеко не всегда удается пережить: не случайно наиболее высокий процент самоубийств в этой местности отмечается именно в периоды трамонтаны.

Впрочем, и самые психологические устойчивые жители региона страдают от трамонтаны. Помню, в беседе с нами один знакомый немец из Эмпуриа Брера – огромный, мощный седой старик, приехавший когда-то в Каталонию заниматься ресторанным делом, проживший здесь более полувека – на вопрос: «нравится ли ему здесь жить» немного подумал и ответил так: «Да, пожалуй, очень нравится. Я прожил здесь большую часть жизни. Моему сыну уже за 50. Я каждый день работал. Пять раз, правда выезжал погулять в Барселону. Все хорошо. Все замечательно. Я кое-чего добился. У меня был один ресторан – теперь два. Я всем доволен. Но эта трамонтана... К ней я привыкнуть я так и не смог.»

Можете себе представить: если даже люди-роботы – немцы боятся этого ветра, то что уж говорить о гораздо более импульсивных каталонцах...

Можете себе представить: если даже люди-роботы – немцы боятся этого ветра, то что уж говорить о гораздо более импульсивных каталонцах... Мы и сами знакомы с трамонтаной далеко не понаслышке. Ощущения, доложу я вам – непередаваемые!

Ты выезжаешь из солнечной и спокойной Барселоны, мчишься в сторону Франции, добираться до долины Ампурдан – и начинается!

Машина в две с лишним тонны вдруг резко теряет в весе и принимается рыскать по трассе, словно слепой щенок. Добро пожаловать в трамонтану!

Меняется пейзаж, и ты замечаешь вдруг, что деревья здесь растут под углом в сорок пять градусов, в вечном поклоне по направлению к морю.

Облака сплющиваются, делаются продолговатыми и плоскими, как гигантские блюда, а потом и вовсе исчезают.

Воздух делается чист, прозрачен и звонок – кажется, тронь его пальцем, и он запоет, как горный хрусталь. Однако не стоит и пытаться опустить в машине стекло – сразу же целая стая демонов, завывая на разные голоса, ворвется внутрь: добро пожаловать в трамонтану!

Открыть на стоянке дверь с водительской стороны зачастую просто невозможно – такова сила ветра. Но если все-таки вам удалось это сделать, будьте осторожны: устоять в трамонтану на ногах – занятие не из простых.

Сразу вспоминается комендант порта в городишке Порт-Бой на французской границе, который в дни трамонтаны выдавал местным жителям разрешение возвращаться домой на четвереньках – в позе, в обычных условиях считавшейся непотребной и даже каравшейся штрафами.

Волосы, кажется, вот-вот с корнем вырвет из головы и унесет в безбрежные дали, а дышать в трамонтану тоже почти невозможно: пока вы открываете рот, чтобы набрать воздух в легкие, этот самый воздух с воем уносится прочь, и вы напоминаете беспомощную рыбу, выброшенную на песок, в чуждую ей стихию...

Но, повторюсь, хуже другое: трамонтана опустошает вас изнутри. С безжалостной и бесконечной силой она выдувает из вас все: память, разум, волю, эмоции и ощущения...

Остается пустота – всеобъемлющая и глобальная пустота и осознание полной бессмысленности бытия. Вы – перчатка, которую сняли с руки, скомкали и бросили в угол. Смятый кусок кожи, оболочка, лишенная содержимого... Чтобы вернуться в нормальное состояние, требуется немало времени.

И мы, признаемся вам честно, испытав разрушающее влияние этого ветра на себе, ни за что не хотели бы жить постоянно там, где дует трамонтана!

Кстати, Сальвадор Дали, родившийся именно во «Дворце Ветра», в долине Ампурдан, говаривал, что «огромное количество сумасшедших и гениев, которое рождает наша земля, связано прежде всего с трамонтаной».

Понятно, что себя художник причислял к гениям, причем, совершенно справедливо. Известно, что Дали обожал вести длительные беседы с местными рыбаками и рыбаками, отмечая при этом, что столь параноидального склада ума, как у местных рыбаков, не сыщешь больше ни у кого.

Да и сам Сальвадор Дали – истинный человек трамонтаны.

В краю трамонтаны он родился и рос, а дом свой выстроил в двух шагах от мыса Креус – крайней северо-восточной точки Испании, где трамонтана также бывает особенно сильной.

Скалы мыса Креус, низвергающиеся в воду, под воздействием трамонтаны принявшие самые фантастические очертания, Дали запечатлел в сотнях своих работ.

Как никто другой, Дали мог оценить удивительной прозрачности небо трамонтаны, придающее ландшафту необычайную четкость и ясность очертаний; и насыщенный, бездонно глубокий цвет моря, которое только в трамонтану бывает таким; как никто другой, он мог до бесконечности множить самые странные образы и ассоциации, возникавшие в его сознании при созерцании космических пейзажей мыса Креус и перенесенные потом на полотна – неспроста эти места Дали называл самыми красивыми (и дикими) на всей Земле.

Для того, чтобы понять Дали, проникнуться настроением его творчества, вовсе не обязательно годами штудировать труды психоаналитиков, строя сомнительные, далекие от всякой реальности умозаключения – достаточно приехать в Кадакес, Порт-Льигат, на мыс Креус и побродить теми же тропками, что молодой Дали.

Мы и приезжаем, в том числе и с нашими туристами, и бродим – правда, в трамонтану людей на мыс Креус везти все-таки не рискуем: скалы там, обработанные ветром, остры, как пики, ходить там нужно с величайшей осторожностью, равновесие удержать очень сложно – особенно когда трамонтана – зверь свирепый и коварный – так и норовит свалить тебя с ног!

Друг Сальвадора Дали, каталонский поэт Карлос Фажес де Климент, написал о трамонтане следующие замечательные строки «Молитвы Христу трамонтаны»:

*«Простерты руки на святом кресте.
О Господи!
Спаси наш скот и поле
И соком наши тыквы напои.
Отмерив точно силу трамонтаны,
Дай высушить ей наши травы,
Но не давай ей погубить пшеницу...»*

Когда в 1968-м Карлос, бывший школьным товарищем и другом Дали, сотрудничавший совместно с Сальвадором над рядом проектов, умер, Дали посвятил ему одну из своих работ, которая так и называется: «Христос трамонтаны».

Всё так. Кагда трамонтана разгулялась, остается только молиться – так поступали здесь люди с незапамятных времен. С этим ветром люди из Верхнего Ампурдана рождаются, живут и умирают; трамонтана становится такой же неотъемлимой частью человеческого бытия, как воздух, свет, пища или вода.

Более того: от трамонтаны невозможно убежать. Люди из Ампурдана, которые давным давно перебрались жить в другие области Каталонии или Испании, а может быть, поменяли даже континент, увозят трамонтану с собой.

И каждый раз, когда здесь, в долине Ампурдана, трамонтана начинает свой сумасшедший бал, они тут ощущают ее присутствие, сколь бы далеко от Каталонии в тот момент не находились.

Не избежал страшного воздействия трамонтаны и дед Сальвадора Дали, по имени Галь, родившийся в Кадакесе и, как сам он говорил, неизмеримо страдавший от этого ветра. Пытаясь укрыться от трамонтаны, Галь Дали перебрался с семьей в Барселону, однако это не помогло.

В Ампурдане в очередной раз задула трамонтана, а в Барселоне Галь Дали впал в тяжелейшее психическое расстройство со стопроцентными признаками паранойи, закончившееся самоубийством. От трамонтаны невозможно убежать.

Историю эту от Сальвадора Дали долго скрывали, но, в конце-концов узнав о ней, художник, похоже, вовсе не был удивлен. Ведь и свой собственный творческий метод Дали называл именно «параноико-критическим», а о его высказываниях относительно параноидального мышления, свойственного всем местным жителям, мы уже упоминали.

Опять же, когда говорят о Сальвадоре Дали, чаще всего звучит эпитет «сумасшедший» – но это уже от незнания, или благодаря той великолепной актерской игре, которую абсолютно нормальный Дали искусно вел на протяжении своей жизни.

Уместно вспомнить здесь и рассказ «Трамонтана» великого Габриэля Гарсиа Маркеса, который жил в наших местах и тоже на себе лично не раз испытывал разрушительное действие этого ветра.

Герой рассказа, которого в Кадакесе «сразила трамонтана» тоже сводит счеты с жизнью, не вынеся ужасающей пустоты, которую порождает в человеке этот ветер-убийца...

Впрочем, не все так мрачно в этих удивительно красивых местах.

Мне кажется, я разгадал загадку трамонтаны. Слабых она убивает, а сильных – делает сильнее. Ведь жители Ампурдана, выпитывающие этот ветер с молоком матери, не исчезли за столетия с лица Земли – напротив, их сделалось даже больше, чем, скажем, в 16-м веке. А всё потому, что они – сильные люди, и во многом – благодаря трамонтане.

Ветер, безумие которого волей-неволей им приходится переживать регулярно, сделал их упрямыми, терпеливыми и стойкими.

Здесь умеют, в случае необходимости, стиснуть покрепче зубы – и делать свое дело несмотря ни на что.

Именно своей непреклонностью и упорством ампурданцы славятся далеко за пределами своих мест. Согласитесь – не самые худшие человеческие качества.

И кто знает: может, прав был Сальвадор Дали, и в свирепом вое трамонтаны, если прислушаться к нему, как следует, можно различить слабый писк рожденного только что нового гения?

Театр-музей – «Ты помнишь, как все начиналось...»

Коррида в честь Сальвадора Дали (1961)

Сегодня Театр-музей Сальвадора Дали является одним из самых посещаемых не только в Королевстве Испания, но и в целом мире.

Для справки: в 2018 году Театр-Музей Сальвадора Дали в Фигерасе, созданный каталонским Маэстро в родном городе самолично и обладающий самой полной в мире коллекцией работ художника, посетили 1 105 169 человек. И это, отметим, в далеко не самый удачный для индустрии туризма год! Согласитесь – более чем впечатляющая цифра! В 2019-ом статистика была еще более радужной – но это в наши дни. А как все начиналось?

Задумка создать Театр-музей имени себя в Фигерасе впервые пришла в голову, как ни странно, не самому Сальвадору Дали. Разумеется, будь художник жив и услышь он такое, возмущению не было бы предела: «Как это не мне самому»? Разве могла столь блестящая идея придти в голову кому-то ещё, а не божественному Дали!?»

Тем не менее, это чистая правда – идея пришла в голову «кому-то ещё». Хозяином этой головы и, следовательно, автором идеи музея стал Рамон Гвардиола, бывший учитель истории из Жироны, в 1960-ом году занявший пост Мэра Фигераса.

Гвардиола хорошо одевался, носил интеллигентные очки в тонкой золотой оправе, и вообще – был во всех отношениях образованным и даже начитанным человеком. Кроме того, он живо интересовался искусством, проявляя в этом вопросе похвальную широту взглядов.

Исходя из вышеперечисленных достоинств, вышеперечисленных Гвардиола по определению не мог не являться поклонником своего знаменитого земляка – Сальвадора Дали. Заступив на пост Мэра, он, к великому удивлению и даже стыду за своих предшественников, обнаружил, что в Краеведческом музее Фигераса нет ни одного экспоната, имеющего отношение к Сальвадору Дали – и это при том, что художник давно уже был звездой мирового масштаба и жил совсем рядом, в 40 км от Фигерасе – в своем возлюбленном Порт-Льигате.

Эту недопустимую ситуацию, по мнению Гвардиолы, нужно было исправлять – причем, немедленно. В мае 1960-го, когда Дали и Галя вернулись из США в Порт-Льигат, Гвардиола встретился с художником и рассказал ему о своем намерении устроить в Краеведческом музее отдельный зал, посвященный «великому Сальвадору Дали». Для экспозиции Гвардиола смиренно просил художника передать музею в дар пару-тройку своих работ – пусть хотя бы самых второстепенных.

Дали обещал подумать и уже через несколько дней передал Гвардиоле ответ: он согласен, однако с «маленьким, но существенным уточнением»: он, божественный Дали, желает не зал в Краеведческом музее Фигераса – а свой собственный отдельный музей. Как видится мне, в этой стремительной эволюции мысли Сальвадора далеко не последнюю роль сыграл тот факт, что в Барселоне в то время как раз стартовали работы по созданию персонального музея Пикассо – и Дали об этом наверняка было известно.

Напомним: заматерев и сделавшись звездой, Дали всегда видел в Пикассо соперника. Те времена, когда начинающий и никому не известный художник Сальвадор Дали с восторгом смотрел Пикассо в рот и считал его богом, давно прошли. Теперь «богом» стал сам Дали – а двум богам в монотеистическом мире художника места не было.

Амбициозный сверх всякой меры, Дали ни в чем не хотел уступать старшему товарищу, и, думается, именно благодаря Гвардиоле впервые тогда осознал: совсем скоро у Пикассо будет свой собственный музей, а у меня, Дали, который выше этого самого Пикассо по всем параметрам – нет? У него – да, а у меня – нет!? Постойте-постойте, это никуда не годится! Ситуацию нужно срочно исправлять!

Таким образом, предложение Гвардиолы упало на самую благодатную почву. На следующей встрече с Мэром Фигераса Дали объявил, что даже присмотрел место для музея – городской театр «Принсипаль», случайно сожженный содатами из Марокканского корпуса Франко в 1939-ом, когда город был оставлен Республикой.

Здание театра было построено в 1850-ом и до Гражданской войны являлось не только самым престижным, но и единственным такого рода заведением в Фигерасе. Когда-то малютка Дали дважды выставлял здесь свои юношеские работы – в 1918-ом совместно с двумя другими художниками и в 1919-ом, уже индивидуально.

Пожар, устроенный «марокканцами» Франко в 39-ом, поставил на здании, а заодно и на культурной жизни Фигераса черный обугленный крест. Денег на реставрацию не имелось – Фигерас, увы, был самой провинциальной дырой где-то у французской границы. Часть здания бывшего театра слегка, правда, подремонтировали и устроили там рыбный рынок – сегодня на его месте располагается зал Театра-Музея под совсем не случайным названием «Рыбные лавки».

Тем не менее, основная часть здания являла собой обгорелую руину, которую гораздо дешевле было снести, чем пытаться восстановить. Именно о сносе городские власти и подумывали – но тут подоспел Дали со своим экстравагантным намерением разместить музей имени себя в этих развалинах, и планы пришлось изменить.

Позже Дали заявлял, что ему всегда нравились развалины, и впервые идея устроить свой будущий музей именно в руинах посетила его еще в 1954-ом году, когда в Королевском дворце в Милане, также пострадавшем от бомбардировок, проходила выставка его работ. Скорее всего, Дали врал, или, скажем так, намеренно искажал истину – но какое это имеет значение?

Впервые о создании музея было объявлено 12 августа 1961

12 августа 1961 в Фигерасе была устроена пышная фиеста, сценарий которой Дали продумал до мелочей самолично. Кульминационным моментом небывалого в истории города праздника стала коррида, устроенная в честь «выдающегося художника из Фигераса Сальвадора Дали».

Это, прошу отметить, совершенно особая честь в те времена, когда коррида в Испании была на пике популярности, и имена известных тореадоров произносились с тем же придыханием, с каким в Советском Союзе называлось имя Юрия Алексеевича Гагарина. В соответствии со сценарием, Сальвадор Дали в начале акта тавромахии сделал почетный круг по арене на одном из своих кадиллаков с откидным верхом.

По бокам от автомобиля семенили специально нанятые статисты-рабы в маскарадных костюмах от Кристиана Диора – Дали всегда любил королевский размах!

В корриде в честь «выдающегося» Дали принимал участие сам Пако Камино – звезда из звезд тех времен. Работал он, как всегда, блестяще, и Гала, наблюдавшая с бесстрастным лицом за ритуальным «быкоубийством», пришла в неожиданное возбуждение – настолько, что после того, как Камино убил своего быка, сдернула с руки дутый золотой браслет и швырнула на арену, явно положив глаз на бесстрашного тореадора.

Одного из быков, убитых во время корриды, по первоначальному замыслу Дали планировалось поднять в небо на вертолете и после транспортировки захоронить на священной горе Монсеррат – однако довольно злая трамонтана сделала осуществление этой идеи невозможным. Дали, тем не менее, предвидел такую вероятность и подстраховался заранее: двумя местными художниками была загодя изготовлена гипсовая фигура быка, которорую торжественно взорвали на арене по окончании корриды.

После взрыва празднество плавно переместилось на улицы Фигераса. Среди прочих торжественных мероприятий значились: дешевый и обильный обед, церемония награждения Сальвадора Дали Серебрянным Фиговым Листом (главной наградой Фигераса), установка мемориальной доски на доме, где художник появился на свет – и, конечно же, речь усатого виновника торжества.

В половине девятого вечера, стоя среди жалких руин, Дали произнес пылкую речь, в ходе которой, в частности, заявил: *«Где же еще, как не в моем родном городе, должны сохраниться и жить в веках самые экстравагантные и фундаментальные из моих работ? Где же еще? То, что уцелело от муниципального театра, кажется мне подходящим по трем причинам. Во-первых, потому, что я прежде всего театральный художник. Во-вторых, потому что театр находится прямо напротив церкви, в которой я был крещен, а вы знаете, что я католик до мозга костей. И, в-третьих, именно в этом театре, в фойе, я впервые выставил свои живописные работы.»*

Дали входил в раж от собственного красноречия, речь его бежала мощным потоком, едва успевая за безудержно фонтанирующей мыслью. Он настаивал на том, что руины должны быть сохранены в полной неприкосновенности, ибо они сами по себе – прекрасное произведение абстрактного искусства. Он громогласно заявлял о том, что в этом «единственном в мире сюрреалистическом музее» не будет ни одного подлинника его работ, а только фотографии – потому «фотографии все равно лучше оригиналов».

Он отметил, что те из будущих посетителей, кто утомится от созерцания фотографий его работ, смогут, для разнообразия, полюбоваться рыбным рынком, который тоже надлежало сохранить. Дали, что называется, «несло» – совсем как Остапа Бендера. Многие из собравшихся, слушая странные речи гения, заметно приуныли.

В особенности заскучал Мэр Фигераса Рамон Гвардиола, всё это и затеявший: он отчетливо представил себе грустную картину: поросшие бурьяном руины театра открытые всем ветрам – а по руинам этим, рискуя каждый раз оступиться и сломать ногу, или, еще хуже, голову, бродят отчаянные и малочисленные туристы, разглядывая фотографии картин Дали. Живо вообразив всё это безобразие, Гвардиола отчетливо понял, что заманить в Фигерас кого-либо извне на это сомнительное развлечение никак не получится...

Впрочем, и сам Дали, успокоившись и остыв, понял, что наговорил лишнего. Крыша музею все-таки понадобится, а еще в большей степени нужны будут те самые «подлинники»

его работ, раз уж планируется вкладывать в проект государственные деньги – а такие планы уже были озвучены. Надо сказать, в целом праздник удался. Вот только с «государственными деньгами», как это обычно бывает, случилась «заминочка» – длиною почти в 10 лет!

Предварительная инаугурация Театра-музея состоялась 13 ноября 1970

По причине проблем с финансированием проекта фактические работы по созданию музея начались лишь девять лет спустя: 13 октября 1970. А ровно через месяц, 13 ноября того же года, в присутствии городских властей и под руководством Дали, к потолку фойе бывшего муниципального театра, которому суждено было стать Театром-музеем Дали, прикрепили один из холстов грандиозного и далеко еще на тот момент незавершенного произведения Дали – панно «Дворец ветра».

Над этой монументальной вещью, площадь которой составила, ни много ни мало, 67 квадратных метров, Дали сначала работал в своей мастерской в Порт-Льигате, а затем – на монументальных подмостках в том самом зале Музея, потолок которого она украшает и по сей день. Напомним – именно здесь в декабре 1918 года впервые были представлены публике работы 14-летнего Дали – так что с полным основанием можно утверждать, что отсюда начался путь Дали к известности, славе и деньгам.

Тогда же и там же Дали окрестил зал именем, которое он носит и по сей день: «Дворец ветра» – в честь одноименного стихотворения каталонского поэта Жоана Марагалья, где «дворцом ветра» названа Ампурданская долина с расположенным на ее территории Фигерасом – по причине регулярно задувающей здесь трамонтаны. В ходе этого же акта Дали продемонстрировал собравшимся слайды с изображением своего удивительного полотна «Христос Святого Иоанна Креста» и объявил, что собирается написать еще одну такую же, но более крупных размеров, картину для задника сцены Театра-музея – что, впрочем, так и не было никогда сделано.

Следует признать, что далеко не все свои планы относительно музея Дали смог в конечном итоге реализовать – многие из них так и остались проектами. Но четыре года Сальвадор Дали вкладывал большинство усилий именно в создание своего Театра-музея. На эти четыре года музей превратился для художника в дитя, зачатое с огромным трудом. А вот выключится ли это дитя из его отцовской утробы, и каким оно явит себя миру – зависело исключительно от самого Сальвадора Дали. И художник вкалывал, не жалея ни сил, ни времени, работая исключительно во благо своего музея, пока, осенью 1974-го, наконец, не решил: можно открывать.

Театр-музей Дали открылся для публики 28 сентября 1974

Когда Театр-музей впервые распахнул свои двери для публики – это случилось 28 сентября 1974-го года – он мог похвастать очень ограниченным количеством работ художника. Точно так же и количество зрителей в залах не шло ни в какое вранение с нынешним: их было всего несколько человек, набранных из числа работников Мэрии и отставных полицейских. Эту пеструю публику, категорически далекую от искусства, обрядили в костюмы, напоминавшие униформу каталонской полиции Mossos d'Escuadra – и поставили охранять полупустые залы.

Что до магазинов, коих сегодня в Фигерасе миллион и все они делают отличные деньги, бойко торгуя всевозможной сувенирной продукцией, связанной с именем Дали – на момент открытия в городе имелся всего один: причем, с весьма убогим ассортиментом.

С гидами при Театре-музее тоже не сложилось. Дали, Напомним, заявлял: «Меня всегда смешат толкования, которые публика или критика пытаются давать моим работам – смешат, потому что сам я, например, понятия не имею, что они означают!» Возможно, по этой же причине на момент открытия музей не имел ни каталога, ни хотя бы буклета с указанием основных работ каталонского Мэтра.

Поначалу, правда, наняли пару молодых и наспех обученных гидов для сопровождения публики по залам музея – однако они настолько терялись в окружении организованного Дали хаоса, что через пару месяцев, по просьбе самого же Маэстро, их уволили, заменив на табличку: «Постигайте Музей самостоятельно!»

Здесь, пожалуй, на минуту отвлекусь, чтобы ответственно заявить – в этом вопросе Дали крупно ошибался. Опыт показывает, что без грамотного и толкового экскурсовода постичь этот Музей-загадку, посвященный ни в коем случае не творчеству, а самой персоне Маэстро, точнее, его удивительной жизни, которую Дали, как известно, считал своим главным произведением – решительно невозможно!

Невозможно – по причине запредельной контекстуальности Музея, который, как мы уже говорили, должен восприниматься как единый цельный объект – эдакий многоликий монумент, посвященный уникальному землянину Сальвадору Дали во всех его проявлениях. Жесткая привязка всего комплекса к личности и биографии Дали и делает полноценное самостоятельное восприятие Музея практически невозможным.

Отсутствие экскурсоводов приводило к полному непониманию публикой того, что представлено в музее – и продолжает ввергать в шок и недоумение самостоятельных туристов сейчас. Например, 42 картины Антони Пичота (друга Дали и директора Театра-музея до смерти Пичота в 2015-ом), занимающих целый уровень здания публика простодушно и неизменно принимает за работы самого Дали даже в наши дни – что уж говорить о том смутном времени! И это всего лишь одно из тысячи забавных недоразумений, вызванных полным непониманием того, что люди видят перед собой! Поэтому экскурсовод в Музее Дали не просто желателен – а насущно необходим, по нашему скромному мнению.

И все-таки, все-таки: невзирая на все эти трагикомические обстоятельства, в первую неделю работы Театр-музей посетили 4 500 человек. А к концу первого года работы посетителей насчитывалось уже 148 000 – и это, прошу отметить, в то время, когда международный туризм находился в зачаточном состоянии»

Важно понимать: открытие Театра-музея в 1974-ом вовсе не означало, что все работы по его созданию завершены. Нет – это был всего лишь один из этапов в непрерывной эволюции музея, которая началась до – и продолжилась после. Для самого Сальвадора Дали, как мы уже сказали, музей превратился в главное дело всей жизни, в того самого упомянутого выше первого и единственного ребенка, и пока художник сохранял активную жизненную позицию – он постоянно совершенствовал свое любимое детище.

В 1977-ом году, во время первой инвентаризации, потолочное панно «Дворец ветра» было оценено в 1 500 млн песет, в то время как оценочная стоимость самой дорогой картины составила 125 млн песет, и эта была, кстати, вещь не самого Дали, а «Святой Павел» Эль Греко из личной коллекции художника. Здание Музея оценили на тот момент в 31,6 млн песет (около 200 000 евро).

Новые работы, новые идеи, новые события, включая пять последних лет жизни Дали, прожитых им в здании своего музея – однако не стоит думать, что после смерти «Божественного» процесс эволюции Театра-музея прекратился. Как раз нет – Фонд «Гала-Сальвадор Дали», в полном соответствии с завещанием Дали, продолжает по сей день наращивать коллекцию, год за годом приобретая работы Дали на аукционах и у частных коллекционеров.

Параллельно с ростом музейных фондов увеличивается и количество посетителей. Сегодня, лежа под знаменитым музейным куполом, Дали однозначно должен быть доволен: с момента открытия музей посетили свыше 30 000 000 человек (данные на 2019).

Всего с 1991 г. было приобретено около 350 арт-объектов, из которых больше сорока – живописные работы в технике «холст-масло» или «холст-дерево». И, учитывая, что популярность и интерес к творчеству Сальвадора Дали в мире только возрастают, можно не сомне-

ваться – замечательный Театр-Музей Сальвадора Дали в Фигерасе с годами будет делаться лучше и лучше!

Самая большая ложка в мире

Фигерас. «Ложка Гаргантюа»

А здесь, в самой середине моих восхвалений кто-то наверняка прервет меня, как это бывает всегда:

– Боже! Боже! Что это еще за огромная ложка!?

Дело в том, что в тот самый момент мы как раз будем проезжать мимо, ни много ни мало, самой большой ложки в мире! А находится она, дорогие друзья, как мы имеем сейчас возможность убедиться, именно в Каталонии, и не просто в Каталонии, а в родном городе Сальвадора Дали – Фигерасе, всемирно известном по той простой причине, что 28 сентября 1974 года, как мы знаем, здесь торжественно был открыт Театр-Музей Сальвадора Дали. Однако, помимо музея, город, похоже, может похвастаться и ложкой, созданной поистине для великанов!

Да, присутствие «божественного» Дали, строившего жизнь в полном соответствии с канонами сюрреализма, в недрах которого незаурядный талант художника вызрел и оформился окончательно, ощущается в городке Фигерас повсеместно!

Ложка – подарок городу от Фонда «Гала-Сальвадор Дали», управляющего имуществом художника. Первоначально Дали создал эту ложку, а лучше – Ложку, а еще лучше – ЛОЖКУ, или даже ЛОЖИЩУ (а как ещё ее назовешь?) для грандиозной выставки-ретроспективы,

посвященной его творчеству и проходившей во Франции, в Национальном Центре Культуры и Искусства Жоржа Помпиду с 18 декабря 1979 по 21 апреля 1980.

«Ложка Гаргантюа» призвана напомнить нам, что в свое время Дали выполнил серию гравюр к знаменитому роману Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Немного скупых технических данных: вес ЛОЖИЩИ составляет 1160 кг, а длина равняется 40 метрам! Кипарис, который ложка кокетливо огибает своим длиннейшим черенком, выглядит на ее фоне совершенно игрушечным.

Моя родная и любимая жена, которую я однажды сфотографировал у гигантской лопасти, внезапно на ее фоне обрела невиданную доселе миниатюрность, превратившись в милейшую из дюймовочек!

Сфотографировать эту Ложичу целиком очень проблематично – уж очень она велика. Возможно, пока я пишу эти строки, где-то в Китайской народной Республике уже успели соорудить и более масштабную ложку – но мне об этом пока ничего не известно!

Окрестности музея

Башня Галатеи

Башня Галатеи

Одного-единственного взгляда на это странное сооружение достаточно, чтобы понять: приехали. Примчалоись, прибыли, выгружаемся. Разминаем слегка затекшие члены, курим, пьем кофе и тихо радуемся: сбылась долгожданная мечта... Мы на месте, и имя этому месту – Театр-музей Сальвадора Дали в Фигерасе. Сказочный облик сооружения с романтическим налетом рыцарского Средневековья не оставляет в том ни тени сомнения. Знакомьтесь – Башня Галатеи.

Со «сказочностью» как раз все понятно – большего сказочника, чем Сальвадор Дали, на планете Земля, пожалуй, никогда не водилось. Что до Средневековья и рыцарей, мысли о которых при виде увенчанной гигантскими яйцами башни тут же начинают роиться в голове – этому также имеются конкретные причины.

Во-первых, Дали как раз и был рыцарем – всю жизнь он исключительно по-рыцарски относился к своей «прекрасной даме» – Елене Дмитриевне Дьяконовой, более известной под именем «Гала», и даже, как мы знаем, подарил ей настоящий рыцарский замок в местечке Пуболь, в сорока км от Фигераса, сегодня также открытый в качестве музея. А во-вторых, сама архитектура этой части музейного комплекса именно ко временам рыцарского Средневековья и восходит.

Башня Галатеи – не что иное, как единственная уцелевшая часть городских стен Фигераса, возведенных в 14-ом веке. Всего в оборонительном периметре города насчитывалось в то время 16 башен, и наша, в силу своего углового расположения, являлась одной из главных.

В 1636-ом, когда город разросся и вышел за пределы крепостных стен, утратившую стратегическое значение башню вместе с частью прилегающей стены приобрела состоятельная фамилия Горгот, соорудившая на средневековом фундаменте свою резиденцию. После этого башня более трех столетий была известна по имени владельцев – Торре Горгот.

За несколько веков существования башня сменила множество назначений, среди которых, например – военная казарма и водный резервуар. В 1931-ом была проведена масштабная реставрация сооружения, в ходе которой первоначальная толщина стен (около 2 м) была уменьшена до 80 см – что позволило значительно увеличить внутренний объем сооружения. Те, кому приходилось бывать внутри таких средневековых монстров, знают, как немного там пространства, несмотря на внушительно-монументальный вид снаружи – именно по причине запредельной толщины стен.

В 1981-ом Женералитат Каталонии и Мэрия Фигераса, имея целью последующее расширение Театра-музея Дали, приобрели Торре Горгот и присоединили ее к основному музейному комплексу. По инициативе Сальвадора Дали башня была переименована в башню Галатеи – в честь кого, думаю, объяснять не стоит, поскольку созвучность имен «Гала» и «Галатея» более чем очевидна.

Напомню: Галатея – дивной красоты статуя, изваянная скульптором Пигмалионом, в которую сам же он и влюбился, а Афродита, тронутая силой его чувства к холодному камню, статую эту оживила. Дали и раньше называл жену Галатеей – достаточно вспомнить прекрасную картину ядерно-мистического периода «Галатея сфер», так что этимология нового имени башни, что называется, «ясна нам насквозь».

Надо сказать, Дали основательно потрудился над дизайном этой части музейного комплекса, после чего Торре Горгот, что называется, обрела законченность шедевра и тот самый облик, который знаком по бесчисленному множеству фотографий в мировой паутине даже тем, кто никогда в Фигерасе не был.

Гигантские яйца и жемчужины, венчающие фронтон, позолоченные фигуры из синтетического материала на пьедесталах того же золотистого оттенка, чем-то неуловимо напоминающие Оскаров, сотни таких же золотистых, треугольной формы элементов, в изобилии покрывающих фасад, еще одна густо-зеленая стена из кипарисов, высаженных здесь по указанию самого Дали – это пространство излюбленных образов Мэтра, активно населяющих его живописные, скульптурные или литературные работы.

Хлеб Сальвадора Дали. Начнем с треугольников цвета золота, сотни которых симметричными рядами украшают красновато-бурую штукатурку фасада. Саму идею дизайна Дали позаимствовал у знаменитого «Дома с ракушками» в Сеговии – всякий, кто бывал в этом замечательном испанском городе, изобилующем архитектурными шедеврами в стиле «платереско» и видел этот дом, не усомнится в правоте слов моих ни на секунду.

Однако, что забавно, большинство туристов, прибывающих в Фигерас самостоятельно, принимают эти золотистые треугольники за «какашки» – причем, их можно понять. Во-первых, определенное (и сильное) сходство действительно есть, а во-вторых, скатологические мотивы в работах Дали – общеизвестны, равно, как и его повышенный интерес ко всему, что связано с различными этапами пищеварения и, в особенности – дефекации.

Более того – некоторые гиды тоже способствуют укреплению этой распространенной версии. Да, да, мне неоднократно приходилось слышать, как сопровождающий какой-нибудь группы туристов на вопрос одного из них относительно этих забавно-провокативных треугольничков отвечал, заговорщицки улыбнувшись, так:

– А это, дамы и господа, не что иное, как какашки! – и далее следовал воодушевленный рассказ о трепетной любви Сальвадора Дали к дерьму и, как следствие, огромном наличии одного и прочих скатологических элементов в его работах. «Дамы и господа» на эти рассказы

гида реагируют по-разному, но в целом – положительно: а чего еще хотеть от чудака Дали. Взял да облепил целый фасад своего музея дерьмом!

Зачем это делалось и продолжает делаться «поводырями» – не знаю. Возможно, по незнанию. Не исключено, для того, чтобы придать яркости и остроты своему рассказу. Так или иначе, я лично бываю невольным свидетелем подобной «дезы» регулярно.

На деле все не совсем так – а точнее, совсем не так! Восстановим же справедливость. Это вовсе не «какашки», а разновидность вкуснейшего, ароматного хрустящего хлебца, выпекаемого именно в Верхнем Ампурдане, где находится музей. Называется это хлебобулочное изделие «ра de tres crostons», что я бы перевел как «Хлеб-Три-Хрустика». Корочка у него, когда он свеж, тверда и хрустяща, а форма, как сами вы убедитесь, подобна треугольнику – отсюда название.

Интересно, что благодаря популярности Театра-Музея этот локальный пищевой продукт приобрел мировую известность, а в кулинарии в наши дни именуется зачастую так: хлеб Сальвадора Дали! Так что даже в хлебобулочном деле Дали оставил свой «божественный» след!

Хлеб и вообще – один из важнейших элементов образной системы Дали, к которому в своих работах он обращался постоянно. Достаточно вспомнить непревзойденный шедевр Театра-Музея – «Корзинку с хлебом» (1945), полюбоваться которой можно в «зале Сокровищ» Театра-музея, или «Корзинку» более раннюю, 1926-го года, или «Два кусочка хлеба, испытывающие любовное чувство» и это далеко не все...

На протяжении всей своей карьеры Дали испытывал к хлебу повышенный интерес. В доказательство приведем цитату из известной книги художника «Тайная жизнь Сальвадора Дали»:

«Я доел бобы и посмотрел на хлеб: на столе лежал один кусок. Я уже не мог оторвать от него глаз. Взял его, поцеловал, пососал, надкусил. Кусок хлеба. Я изобрел колумбово яйцо: хлеб Сальвадора Дали. В то же время я раскрыл тайну хлеба – он может остаться несъеденным. Насыщающую вещь, символ питания и святого бытия, я превращу в бесполезную, эстетическую. Я сотворю из хлеба предмет сюрреализма. Что может быть легче, чем аккуратно вырезать с тыльной стороны хлеба два отверстия и вставить в них чернильницы? Что может быть более униженным и прекрасным, чем видеть, как хлеб постепенно впитывает чернила Пеликана? В этом хлебе-чернильном приборе маленький квадратик, вырезанный в корке, служит вставочкой для перьев. А если хочешь вытирать перья прекрасным, довольно свежим мякишем, ничего не стоит заменять хлеб каждое утро.

Вернувшись в Париж, я выдвинул новый загадочный лозунг: «Хлеб, хлеб и ничего, кроме хлеба». Спрашивали не без юмора, не стал ли я коммунистом? Но уже догадались, что хлеб Дали предназначен не для помощи многодетным семьям. Мой хлеб был сугубо антигуманным. Он символизировал муть роскошного воображения утилитарности практического мира. Это хлеб станет аристократичным, эстетическим, паранойальным, софистским, иезуитским, феноменальным и ошеломительным. Два месяца работы, размышлений, изучений, писаний привели меня накануне отъезда к озарению этим открытием, возможно, незначительным. Ломоть хлеба на моем столе подвел итог разумного опыта за этот период моей жизни. Такова уж моя оригинальность.»

Не менее известны и знаменитые багеты Дали, украшающие головы манекенов на фасаде Театра-Музея и у многих туристов вызывающие вполне понятные ассоциации с причудами современных политиков. Когда, впрочем, самого художника спрашивали о том, что же означают эти багеты на головах его персонажей, он отвечал следующим образом: «А это их окаменевшие мысли».

Впрочем, те же багеты в работах Дали 30-х годов зачастую имеют и иной сексуальный подтекст – при их фаллической форме и при пожизненной озабоченности Дали своими сексуальными проблемами это не мудрено.

Художник, как известно, испытывал сложности с потенцией и сексуального удовлетворения на протяжении большей части жизни мог достичь лишь при помощи мастурбации. Тем, кто вдруг усомнится, рекомендую ознакомиться с чудесной картиной Дали «Антропоморфный хлеб» (1932) или не менее восхитительной вещицей под занятным названием «Средний каталонский хлеб с яйцами на тарелке и вне ее, верхом на лошади, пытающийся подвергнуть содомскому греху горбушку португальского хлеба» (1932) – прошу оценить название, которое само по себе составляет половину стоимости картины!

Башня Галатеи – «Башня Всех Загадок»

И раз уж мы приступили к трактовкам и расшифровкам образов в работах Дали, сразу надлежит отметить: дело это весьма спорное и откровенно сомнительное. Сам Дали на этот счет заявлял, что его откровенно смешат попытки «каких-то там искусствоведов» объяснить, что он там изобразил. Смешат по одной простой причине: он и сам понятия не имеет, что означают созданные им образы.

С другой стороны, явно противореча самому себе, художник частенько подробно растолковывал смысл многих своих работ – хотя в разные периоды времени его собственные пояснения относительно тех или иных образов тоже существенным образом отличались. Однако если вдуматься, как следует, никакого противоречия в этом нет.

Вся штука в том, что, интерпретируя некоторые свои работы по разному в разное время Дали был как никогда последователен и логичен: ведь и он, как и всякий другой человек, менялся со временем, и, скажем, Дали 1935 г. и Дали 20 лет спустя – это два разных Дали. А если Дали «разные» – то точно такими же разными вполне закономерно могут являться и интерпретации одного и того же. Вполне органично вписывается в эту концепцию и негативное отношение к попыткам тех же искусствоведов раз и навсегда канонизировать и отлить в неизменную форму смысл его замысловатых работ, тем самым превращая их в мумифицированный труп.

Каждый человек, полагал Дали, обладает не только возможностью, но и священным и незыблемым правом понимать его работы по-своему, видеть в них что-то глубоко личное, персональное, свое... В конечном счете, именно это личное восприятие и делает искусство живым! На мой взгляд, это глубоко верно. У каждого из нас свой Рафаэль, Рубенс или Гойя.

У каждого из нас свой Достоевский, Диккенс или Булгаков. Любое произведение искусства и живо лишь до тех пор, что есть мы – воспринимающие его люди. Оно не существует само по себе и не существует абстрактно, ибо способно существовать лишь в восприятии конкретного индивидуума. И, раз уж зашла о том речь, любое произведение искусства проживает ровно столько жизней, сколько зрителей, читателей, слушателей, воспринимали его через призму собственного «я».

Поэтому и я, дорогой читатель, тоже являясь «конкретным индивидуумом», буду показывать не какого-нибудь, а своего, «личного» Сальвадора Дали – это, исходя из всего вышесказанного, совершенно неизбежно, и, кстати, не так уж и плохо, учитывая, сколько литературы о Дали на разных языках было перечитано, сколько разговоров с людьми, знавшими его лично, переговорено, сколько ключевых «далианских» мест посещено, и сколько экскурсий, наконец, проведено – мною.

Да – это будет мой персональный Дали – которого, пропустив через свое собственное восприятие, вы присвоите – то есть, сделаете своим. Со своей стороны могу с полной ответственностью пообещать: все что я буду рассказывать, основано на фактах из максимально достоверных источников, включая, разумеется, и главный первоисточник – то есть, самого усатого гения.

Эта оговорка длиною в несколько абзацев важна: я отнюдь не собираюсь выступать в роли диктатора или претендовать на истину в последней инстанции. Я оставляю за вами полное право воспринимать все увиденное по-своему, как это в любом случае и произойдет – и буду рад лишь выступить помощником в этом очень непростом, но крайне благодарном занятии.

Яйца Сальвадора Дали. Итак, с хлебом разобрались. А теперь перейдем на другую сторону улицы, откуда гораздо удобнее любоваться фронтоном фасада, увенчанным многочисленными яйцами. Почему яйца? Чтобы ответить на этот вопрос, процитирую обещание Дали превратить Фигерас в «мекку современного искусства» – то есть, в самое его средоточие, сердце и суть. А теперь вспомним свойственные практически всем культурам мифы о Мировом, Космическом или Вселенском яйце, из которого рождается весь наш сущий мир, или, по некоторым версиям, бог-прародитель, верховное божество.

В Индийской мифологии из Мирового яйца (Брахманды) рожден бог Брахма; в египетской версии из яйца появляется на свет Птица-мать; в китайской версии Вселенная изначально была чем-то наподобие куриного яйца, из которого явил себя миру прародитель Пань-гу... В орфизме – мистическом учении Древней Греции и Фракии – Фанет (божество-демиург) также рождается и зплавающего в море яйца.

А в русской народной сказке о Кашее Бессмертном жизнь и смерть этого самого Кашея заключены не где-нибудь, а в в иголке, находящейся, опять же, в яйце. И как не упомянуть пасхальное яйцо, из хрупкого гроба которого Христос вознесся к жизни вечной

Подобным мифам несть числа, но суть их одинакова: яйцо – начало и источник всего сущего. Точно так же, яйца, во множестве украшающие Башню Галатеи – не что иное, как многократно повторенное напоминание о том, что музей, который нам предстоит посетить – тоже первоисточник всего сущего в мире современного искусства.

Иерусалим для христиан или та самая мусульманская Мекка о которой, применительно к музею, и говорил Дали – вот что такое Театр-Музей для всякого, кто при слове «искусство» неизменно испытывает благоговейный трепет. Кстати, фразу о «мекке современного искусства», которую так часто любил повторять Дали, сам он услышал от диктатора Франко во время аудиенции в 1968-ом. Такую уверенность, по словам «божественного», высказал Франко относительно будущего театра-музея.

Хотел бы также напомнить одно небезызвестное видео, где Дали и Гала как раз и появляются на свет из огромного бутафорского яйца. В данном случае – это отсылка ко вполне конкретной легенде о Леде и лебеде.

Вкратце напомним ее суть: Зевс, пленивший красотой прекрасной Леды, жены спартанского царя Тиндарея, принял облик Лебедя и овладел красавицей. В ту же ночь, так сложилось, в покоях супруги побывал и Тиндарей. В итоге все этой сексуальной вакханалии Леда снесла яйцо из которого вылупились на свет целых четверо детей: мальчики Кастор и Полидевк и девочки Клитемнестра и Елена (кстати, та самая Елена Прекрасная, из-за которой разразилась Троянская война).

Нас в этой легенде больше интересуют Кастор и Полидевк. Полидевк был сыном Зевса, а Кастор – сыном Тиндарея, то есть, не бога, а простого смертного. Братья были, что называется, не разлей водв, и когда Кастор погиб, Полидевк, вознесенный на небо, отказался находиться там без своего умершего брата. И тогда Зевс сделал так, что одну ночь Кастору и Полидевку было позволено проводить вместе на небесах, а другую – в могиле.

Эти близнецы, так называемые братья Диоскуры, стали символом нераздельной любви, эдакими зеркальным отражениями друг друга, двумя половинками одного целого. В честь них, кстати, названо созвездие Близнецов на небесах. Дали этот миф считал очень важным, поскольку он очень точно, по мнению Мэтра, отражал суть их взаимоотношений с Галой.

Так и есть: в этом «звере с двумя спинами» по имени Гала-Дали всегда было очень сложно понять, где заканчивается Дали и начинается Гала – именно в таком контексте мы и должны воспринимать этот крайне удачный тандем. Это еще одно толкование крайне многозначного образа – но «яйцеведение» наше применительно к Дали будет неполным, если мы не упомянем о еще парочке сугубо «далианских» его толкований.

Дали, как известно нам со слов самого Дали, явился на свет не случайно – самим небом ему изначально была уготована роль спасителя – спасителя современного искусства. Имя «Сальвадор», кстати, и означает «спаситель» – и так, не будем забывать, называют Иисуса Христа. Из материнской скорлупы никому до того не известного Фигераса Сальвадор Дали проклюнулся на свет, возрос, заматерел и воссиял, явившись спасителем ни много, ни мало – целого мира Искусства. Снова, вольно или невольно, напрашиваются ассоциации с Христом-Спасителем – как бы кощунственно и не скромно это не звучало!

Впрочем, «кощунственно» – это «по-далиански»! Нескромно – тем более. Уж что-что, а скромность, к счастью, в число многочисленных недостатков Дали отнюдь не входила, даже напротив: он считал это качество тяжелейшим грехом.

Опять же, для Дали, помимо всего прочего, яйцо ассоциировалось с материнской утробой, нахождение в которой художник считал раем, акт рождения – жестоким из него изгнание, а всю последующую жизнь – мучительным и тщетными попытками обрести этот утраченный

рай. Интересно, Дали был абсолютно убежден в том, что замечательно помнит время своего пребывания в утробе матери, и, что образная жизнь человека – не что иное, как стремление «символически воспроизвести первоначальное состояние рая в сходных ситуациях и представлениях». Вот фрагмент из его «Тайной жизни»:

...«А каким был этот рай? Наберитесь терпения – и подробности не заставят себя ждать. Начну с общих ощущений. У внутриутробного рая – цвет адского пламени: красно-оранжево-желто-синий. Это мягкий, недвижимый, теплый, симметрично-двоящийся и вязкий рай. Уже тогда он даровал предвкушение всех наслаждений, всех феерий. Самым великолепным было видение глазуньи из двух яиц, висящей в пространстве. Не сомневаюсь, что именно в этом – причина моего смятения и волнения, которые я испытывал на протяжении всей жизни перед этой образной галлюцинацией»...

Если вы вспомните чудесные сюрреалистические полотна Дали начала 30-х, где в качестве основного объекта фигурирует именно яшница-глазунья, зачастую лишённая даже тарелки в качестве своеобразного пьедестала, и именно парящая в воздухе – источник вдохновения художника будет вам изначально понятен.

Отмечу, позднейшие исследования в области человеческого сознания если и не стали стопроцентным доказательством существования внутриутробного сознания и связанных с этим периодом воспоминаний – то, во всяком случае, подтвердили такую возможность.

И здесь, думаю, уместно будет поделиться собственным жизненным опытом. Хотя в подавляющем большинстве случаев первые обрывочные воспоминания детства восходят к трех-, а то и пятилетнему возрасту, лично в моей капилке памяти хранится воспоминание если не внутриутробное, то очень раннее, это точно. В возрасте 6 месяцев у крошки-меня случилась двусторонняя пневмония, и дела мои, по словам мамы, были совсем плохи.

Вместе с ней меня определили в стационар сельской больницы – и я отлично запомнил, как находился там. Впоследствии я детально мог воспроизвести в памяти не только внешнюю картинку: стены блеклой зелени, унылые, как старость и смерть, огромные и страшные тараканы, ползавшие по этим стенам, женщины лежавшие с нами в палате и тапками, с оглушительным стуком лупившие насмерть всю эту тараканью нечисть, но и общее ощущение бесконечного, мучительного, тягучего алого жара, в котором я пребывал тогда. Уже будучи взрослым я пересказал это воспоминание матери – и она, пораженная, подтвердила все рассказанное мной до последнего слова.

Жемчужины Сальвадора Дали. Интересно, что непосредственно на круговом фронте самой башни яйца чередуются с такими же огромными жемчужинами – и снова символика ясна, как божий день: нам обещают целую россыпь подлинных жемчужин искусства, собранием которых и является Театр-музей.

Вспомним, опять же, что жемчужина – символ эзотерического, тайного знания, для постижения которого придется потрудиться. Вспомните, как непросто добывается жемчуг!

Точно так же и нам, чтобы постичь сокровище в стенах музея тайное знание, придется как следует напрячь извилины головного мозга. Что же, напряжем – причем, уверяю, сделаем это с удовольствием. Да и уподобить себя ловцам жемчуга – романтично и по-своему даже приятно.

Кипарисы Сальвадора Дали. Следует также упомянуть и расположенную вдоль стены здания еще одну, состоящую из кипарисов. Кипарисы множество раз повторяются в живописных работах Дали, это один из тех навязчивых образов-знаков-символов, которые в совокупности и формируют образную систему Дали – поэтому упомянем о нем подробнее, и снова дадим слово самому художнику.

«...Закрываю глаза и ищю в своей памяти то, что явится мне произвольно и зримо. Вижу два кипариса, два больших кипариса, почти одного роста. Тот, что слева, все же чуть пониже, и клонится верхушкой к другому, который, наоборот, высится прямо, как латинское

„i“. Я смотрю на них в окно первого класса школы Братьев в Фигерасе – этап, следующий за пагубными педагогическими опытами г-на Траитера. Окно, обрамляющее эту картину, открывалось только после обеда, но с этой минуты целиком поглощало мое внимание. Я следил за игрой тени и света на двух деревьях: перед самым заходом солнца острая верхушка правого кипариса темно-красная, как будто ее залили вином, а левый уже в тени и весь как черная масса. Звенел колокол Анжелюса – и весь класс стоя хором повторил молитву, которую наизусть читал тихим голосом Старший брат, сложив руки перед грудью. Кипарисы таяли в вечеряющем небе подобно восковым свечам – и это было единственное, что давало мне представление о течении времени, прошедшего в классе... Вскоре кипарисы совсем растворялись в вечерних сумерках, но и тогда, когда исчезали их очертания, я продолжал смотреть туда, где они стояли...»

Таким образом, кипарисы с самого детства для Дали стали теми самым часами, по которым он привык отмерять бесконечно длинные и вселенски тоскливое время учебы. И как же это верно! Если школьные занятия – медленная пытка (а в детстве они многими воспринимается именно так), мозг, спасаясь от нее, обязательно постарается найти себе более приятное занятие.

Мой школьный товарищ по парте, например, спасался тем, что рисовал порнографические картинки, а сам я бесконечно составлял персональные хит-парады из песен группы «Битлз», горячо мною любимой с пятилетнего возраста.

Что до малютки Дали – его мозг, наглухо парализованный безжалостной системой школьного обучения, впадал в вынужденную летаргию, и единственная связь с реальностью для Сальвадора заключалась в созерцании изменяющих свой облик с течением времени кипарисов. Это служило единственным доказательством того, что время все-таки куда-то ползет, пусть и со скоростью престарелой улитки, и когда-нибудь убийственно скучные часы учения завершатся.

«Оскар» Сальвадора Дали. А теперь еще раз окинем башню Галатеи и примыкающее к ней здание внимательным взглядом. У каждого – уверяю вас, у каждого – тут же возникнут стойкие ассоциации с кинематографом. У каждого – потому что фронтон фасада украшен множеством золоченых фигур на таких же, цвета золота, пьедесталах, однозначно и сильно напоминающих «Дядюшку Оскара» – премию Американской киноакадемии, наивысшую и самую главную награду в мире кино из всех существующих на сегодняшний день.

И каждый вправе задаться вопросом: имел ли вездесущий Сальвадор Дали отношение если не к Голливуду, то к кинематографу в целом, и если имел, то какое?

Первым делом отметем всякие сомнения: да, имел! И к Голливуду, и к «кинематографу в целом». И не какое-нибудь, а самое прямое – Дали был не только страстным поклонником кино, но, в ряде случаев, и его создателем.

Первая связь усатого каталонца с волшебным миром кинематографа состоялась в далеком 1929-ом – и, по совпадению, в том же году была утверждена и премия Американской Киноакадемии.

«Андалузский пес» – первый сюрреалистический фильм в мире

«Андалузский пес»

Разумеется, речь о короткометражном фильме «Андалузский пес», авторами которого выступили Сальвадор Дали и Луис Бунюэль, впоследствии, как и Дали, достигший мировой известности – но как раз в мире кинематографа. «Андалузский пес» – значимая веха в истории кино, первое явление сюрреализма в мире кинематографа – явление столь же скандальное, эпатажное, революционное и провокационное, как и все, чем занимался тогда Дали, с бескомпромиссным максимализмом юности сражавшийся на всех полях со всем тем «гнильем», которым, по его мнению, являлся и мир искусства, и всё прогнившее насквозь буржуазное общество в целом. Фильм этот столь примечателен, что следует рассказать о нем подробнее.

Началось с того, что Луис Бунюэль, бывший большим поклонником рассказов испанского писателя Рамона Гомеса де ла Серны, решил снять фильм о жизни в большом городе, основанный на цикле рассказов писателя.

Предполагалось, что сценарий напишет сам де ла Серна, однако этого, в конце концов, так и не произошло. Когда Бунюэль рассказал об этом Сальвадору Дали, который, мигом воодушевившись идеей, назвал первоначальные идеи Бунюэля «крайне посредственными» и тут же предложил свой вариант, набросав кое-какие задумки прямо на слувившейся под руками коробке из-под обуви. Так началось сотрудничество над первым в мире игровым фильмом, снятом в жанре сюрреализма.

В начале 1929 г. Луис Бунюэль приехал к Сальвадору Дали – специально для работы над сценарием будущего фильма, название которого несколько раз менялось, прежде чем приобрело окончательную форму: «Андалузский пёс».

Какие цели ставили перед собой Бунюэль и Дали? Прежде всего – создание совершенно нового кино. Бунюэль описывал будущий фильм как попытку воплотить в визуальных образах «некоторые уровни подсознания». Полвека спустя, Бунюэль так описывал процесс совместной работы над фильмом.

«Между нами не было разногласий. Мы старались использовать спонтанно возникавшие образы и ассоциации, освобождаясь от влияния традиций. Мы хотели, чтобы образы поражали нас, не вызывая вопросов. Например, женщина хватает теннисную ракетку, чтобы защититься от нападения мужчины. Мужчина оглядывается. Я говорю Дали: „Что же он видит?“ „Жабу“. „Плохо!“ „Бутылку бренди“. „Плохо!“ „Ну тогда – две веревки“. „Хорошо. А потом?“ „Он тянет за них и падает, потому что они привязаны к чему-то очень тяжелому“. „Ага, мне нравится, что он упал“. „Он тянет за них и вытаскивает два ссохшихся

тела“. „И что?“ „Это двое монахов!“ „Дальше!“ „Пушки!“ „Роскошное кресло“. „Нет, рояль“. „Потрясающе, на крышке рояля – осел... нет, двадохлых осла. Фантастика!“ Вот так мы извлекали иррациональные образы, оставляя их без объяснений...»

Этот метод как нельзя более соответствовал приёму «автоматического письма», разработанному Бретоном и Супо, «отцами сюрреализма» в «Магнитных полях». В итоге фильм и получился таким: не похожим ни одно другое произведение кинематографа, не поддающимся каким-либо ассоциациям, не имеющим какого-либо сюжета, но отображавшим череду самых разных «совпадений», происходящих с героями картины в обстоятельствах, далеких от унылой реальности.

Надо сказать, «Андалузский пес» – короткометражка протяженностью в 16 быстрых минут – и сегодня смотрится революционно и свежо. И в наши дни этот фильм способен шокировать: чего стоит, например, сцена в самом начале фильма, где узкое облачко наплывает на полный диск луны, и тут же Луис Бунюэль, исполняющий роль садиста-парикмахера, начинает разрезать опасной бритвой женщине глаз!

В фильме присутствуют и другие навязчивые идеи и образы, знакомые нам по картинам Сальвадора Дали:дохлые ослы, муравьи, отрубленная кисть руки и т. д. А чего стоит также придуманное Сальвадором Дали превращение женской подмышки в морского ежа – одна из самых удачных находок фильма?

Впоследствии подобные трансформации Дали будет широко использовать в картинах сюрреалистического периода, создавая свои знаменитые «двойные образы», или образы-перевертыши. Художник сходу оценил все преимущества такого новаторского вида искусства, как кинематограф, и впоследствии сотрудничал с миром кино неоднократно.

Интересно, что оба – и Дали, и Бунюэль, были одинаково страстными поклонниками Зигмунда Фрейда, и потому прочтение фильма, как впоследствии не раз заявлял сам Луис Бунюэль, возможно именно методом «психоанализа».

Что касается названия фильма – «Андалузский пёс» – нет практически никаких сомнений в том, что оно прямо намекает на общего знакомого Дали и Бюнуэля – Федерико Гарсиа Лорку. Все трое были знакомы по студенческой резиденции в Мадриде, однако если Дали и Лорку в свое время связывала крепкая дружба, Бюнуэль, напротив, относился к поэту с большой неприязнью: во-первых, он с явной завистью или, если хотите, ревностью взирал на близость между Дали и Лоркой и то влияние, которое поэт имел на каталонца, а во-вторых, Бюнуэль с большой неприязнью относился к гомосексуалистам, а Лорка, как известно, принадлежал к их числу.

Дело в том, что в студенческой резиденции южан-андалузцев называли не как-нибудь, а «андалузскими щенками», и потому прозрачность намёка здесь более, чем очевидна. Если добавить к этому тему гомосексуальности, которая также присутствует в фильме и подана в явно оскорбительном для гомосексуалистов ключе, можно не сомневаться, что Бюнуэль, таким образом, воспользовался картиной, чтобы «свести счеты с Лоркой» и публично высказать всё, что думает о поэте.

Есть в фильме и другие сцены, явно намекающие на то, что именно Лорка стал прототипом главного героя фильма. Так что активное участие Дали в создании картины, можно воспринимать и как определенное предательство каталонского художника в отношении Федерико.

Так или иначе, «Андалузский пёс» удался, став настоящей вехой и, если хотите, маленькой 16-минутной революцией в истории кинематографа. Понимая, что фильм можем вызвать неоднозначную реакцию публики, на премьеру фильма, состоявшуюся в Париже, по воспоминаниям самого Дали, он и Бюнуэль отправились с карманами, набитыми камнями: на случай, если пришлось бы отбиваться от разъяренной толпы.

Предосторожности, однако, оказались излишними: та самая презируемая Дали «публика», уже, как выяснилось, успела привыкнуть к революциям, то и дело сотрясавшим мир

искусства, и восприняла фильм вполне благожелательно, что даже несколько расстроило Дали, ожидавшего более бурной реакции.

В наши дни «Андалузский пёс» – абсолютная классика авангардного и, как сейчас говорят, «артхаусного кино». Фильм и сегодня смотрится весьма современно – несмотря на то, что был снят в далёком 1929-ом году, практически «на коленке» и с минимальным бюджетом – деньги на съёмки выделила мать Луиса Бюньюэля, которая была далеко не уверена в успехе мероприятия.

Воодушевленные успехом первой картины, Дали и Бюньюэль тут же взялись за вторую, получившую, в конце концов, название «Золотой век». Однако при работе над этой картиной уже во всю мощь проявились авторские амбиции, свойственные и Дали, и Бюньюэлю. Иными словами, двум молодым медведям сделалось тесно в одной берлоге.

В итоге такой удачный поначалу альянс дал трещину, и участие Дали в проекте свелось к минимуму. Прделавший большую часть работы по созданию фильма Бюньюэль счел по этой причине возможным вовсе не включить имя Дали в титры, что привело к окончательному разрыву между друзьями – разрыву, которому не суждено было закончиться примирением. Выражаясь несколько пафосно, но по существу верно, можно сказать: Дали и Бюньюэля примирила смерть.

Дали, Харпо Маркс и Альфред Хичкок

Сальвадор Дали и Харпо Маркс

На «Золотом веке», впрочем, роман Сальвадора Дали с кинематографом отнюдь не закончился. Напротив – это было самое начало долгой связи. Завоевав Америку, апофеозом чего стала его фотография на обложке журнала «Time» от 14 декабря 1936-го, Дали вскоре направил свои каталонские стопы в Голливуд, вознамерившись написать портрет горячо любимого им Харпо Маркса – знаменитого комика, участника популярной комедийной труппы «Братья Маркс».

В знак своего восхищения талантом Маркса Дали поднес ему в дар один из своих чудесных сюрреалистических объектов: арфу ручной работы, украшенную колючей проволокой и завернутыми в целлофан вилками и ложками – явный намек на псевдоним Маркса – «Нагро», созвучный с названием этого музыкального инструмента, на котором Маркс умел

неплохо играть и из-за которого, собственно, и получил свое прозвище (настоящее его имя было «Адольф»).

И пусть портрет Харпо Маркса так и остался не написанным, комик, проникшийся симпатией к Дали, стал первым «человеком из Голливуда», изъявившим желание сотрудничать с испанским художником.

Плодом этого сотрудничества должен был стать фильм под замысловатым названием: «Giraffes on horseback salad», для которого Дали написал сценарий, а братья Маркс должны были выступить в роли актеров. Однако кинокомпания Metro Golden Mayer, предпочла зарубить проект: во-первых, он не показался боссам студии рентабельным, а во-вторых, параноидальные «грёзы» Дали, о воплощении которых на большом экране он грезил без памяти, оказались слишком уж замысловатыми и затратными даже для самой «Фабрики Грёз».

Еще один несостоявшийся кинопроект с участием Сальввдора Дали – фильм «Moontide» с Жаном Габеном, который кинокомпания «20-ый Век Фокс» затеяла снимать в начале 1940-хх. Был подписан контракт, и Дали со свойственным ему рвением занялся работой, однако снова вмешалась злодейка-судьба: на этот раз в лице коварных японцев, вероломно атаковавших Перл-Харбор, после чего проект по ряду причин, в первую очередь, политических, был спешно закрыт.

В 1945-ом Дали, рвущемуся в кинематограф, повезло больше: речь о фильме Альфреда Хичкока «Spellbound» («Завороженный») с Грегори Пекком и Ингрид Бергман в главных ролях. Знаменитая сцена сна из этого фильма – целиком и полностью плод буйной фантазии уса-того каталонца. Дали предавался работе с неистовостью и рвением настоящего фанатика. Были написаны несколько картин и бесчисленное множество эскизов, по которым выполнялись декорации.

Фантазмагорический сон героя по первоначальной задумке должен был являть собою настоящий сюрреалистический кошмар длительностью в двадцать минут – из которых в итоге в фильм вошли всего три. Режиссер посчитал, что по яркости образного ряда и воздействию на зрителя придуманная Дали сцена сна, если оставить ее целиком, просто затмит весь остальной фильм – и потому благоразумно решил ее сократить. Впрочем, на фоне предыдущих неудач этот результат можно считать успехом.

Дали и Дисней: судьба «Destino»

«Дестино»

Сальвадор Дали и Уолт Дисней познакомились на съемках фильма Альфреда Хичкока «Завороженный», для которого Дали создал не только декорации, но и знаменитую сцену сна – впоследствии, впрочем, почти целиком вырезанную. Так родилась дружба, которая привела Диснея и Дали к сотрудничеству над проектом Destino, который в свое время оказался провальным – но никак, тем не менее, не повлиял на дружеские отношения между двумя гениями...

Но давайте начнем с самого начала. Сальвадор Дали как-то заметил: *«Настоящий художник не тот, кто способен рисовать необычные сцены пустыни. Настоящий художник – тот, кто способен тщательно и терпеливо изобразить группу в окружении суматохи истории.»* Собственно, история отношений Дали и Диснея как раз об этом: о живописи, необычных сценах, пустых пространствах, гении, изобретательности, фантазии, исторических перипетиях, воображении, сюрреализме и, прежде всего, о дружбе людей настолько противоположных, что сам факт этих отношений может показаться выдумкой!

Между тем, все было взаправду, подтверждением чему служит семиминутный анимационный фильм Destino, номинированный в свое время на «Оскара».

Проект был задуман в 1946-ом году. Художник работал в то время в Голливуде над знаменитыми сценами снов из фильма «Завороженный» («Spellbound») Альфреда Хичкока. Конечный результат, как мы уже писали в статье «Дали и кинематограф», художника совсем не удовлетворил. Полная сцена сна, придуманная Дали, обладала настолько мощным эмоциональным воздействием на зрителя, что воспринималась, как отдельный фильм – и потому продюсеры сократили ее до минимума.

Однажды вечером во время ужина Сальвадор Дали познакомился с Уолтом Диснеем через Джека Уорнера – основателя «Уорнер Бразерс». В течение всего вечера Дали и Гала с превеликим удовольствием общались с Диснеем и его супругой, сходу, что называется, проникшись взаимной симпатией. В итоге это привело к задумке сделать совместный проект, каким и должен был стать мультфильм «Destino».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.